

В.А. Тряпицын

СУДЬБА ЭНТОМОЛОГА

(воспоминания о Евгении Михайловиче Степанове)

В. А. Тряпицын
Судьба энтомолога. Воспоминания
о Евгении Михайловиче Степанове

© Товарищество научных изданий КМК

* * *

Введение

В жизни каждого человека непременно было что-то особенное, происшедшее единственно с ним и ни с кем более. Это могло быть падение в стог сена при крушении самолета, встреча с медведем во время сбора малины в лесу, увиденная мгновенная гибель векового вяза, сломленного словно спичка пронесшимся смерчем, отгаданный номер лотерейного билета, да мало ли что еще. Такое событие остается в памяти на всю жизнь и часто позволяет ощущать свою исключительность. О нем хочется со всеми поделиться, всем рассказать.

Бывает же так, что событием становится вся жизнь, при этом состоя, в общем-то, из ординарных явлений, поступков, особенно не выдающихся дел. Но сцепленные в одну непрерывную последовательность такие дела и поступки создают впечатление исключительности и выделяют данного человека из множества других рядом с ним живущих. И это ощущают окружающие его.

Такая личность притягивает к себе словно магнитом, с таким человеком стремишься сблизиться, полагаешь за честь каждую встречу, беседу с ним. А если судьба распорядится так, что общение с ним становится продолжительным и в результате оказывает влияние на всю твою жизнь – ты с полным правом можешь назвать его своим Учителем. И благодаришь за это судьбу.

Таким Учителем для Владимира Александровича Тряпицына стал Евгений Михайлович Степанов, воспоминанию о котором и посвящена данная книжка.

Сам В.А.Тряпицын, будучи студентом Московской сельскохозяйственной Академии им. К.А.Тимирязева, проходил в 1951 году у Е.М. Степанова в Батуми преддипломную практику, а в дальнейшем многие годы с ним сотрудничал. Е.М.Степанов своим проницательным взглядом разгадал у своего ученика редкую склонность, возможно врожденную, к занятиям систематикой насекомых. Владимир Александровичем, вдохновленный и поддержанный Степановым на первых наиболее трудных этапах этого поприща, стал впоследствии известным во всем мире знатоком обширной группы паразитических насекомых – энциртид, широко применяемых в биологическом контроле вредителей растений.

В течение 48 лет он проработал в Зоологическом институте Академии наук СССР (ныне ЗИН РАН), стал доктором биологических наук, профессором, главным научным сотрудником; избран действительным членом Академии наук Мексики.

Е.М.Степанов был энтомологом, представителем профессии, не давшей миру имен, сохраняющихся в памяти человечества столетия, наподобие имен полководцев, философов, архитекторов, живописцев, поэтов. При описании науки энтомологии и ее деятелей обычно пользуются трюизмами. Принято считать, что энтомология – самая мирная профессия, а энтомологи – безобидные чудачки. С первым, пожалуй, можно согласиться, со вторым – нет. Среди энтомологов было немало выдающихся личностей с сильными характерами, обладавших энциклопедическими знаниями, обогативших

науку блестящими открытиями, оказавших заметное влияние на экономику своей страны, благосостояние ее жителей. Эффективная борьба с саранчой, спасение пастбищ Австралии и пшеничных посевов Северной Америки, сохранение урожая от самых разнообразных вредных насекомых, победа над малярией – это лишь малая толика заслуг энтомологов. И не их беда, что их известность уступает известности какой-нибудь заурядной эстрадной певички.

Как в любой области деятельности, в энтомологии есть публичные люди, которые, что называется, на виду: признаны обществом, имеют награды и звания, авторы многих книг, популярны среди студентов. А есть скромные труженики, которые знают себе цену, но и довольствуются этим «самосознанием», не тратя время на то, чтобы заработать дешевую популярность, приобрести формальные знаки отличия. Евгений Михайлович относился к людям этой второй категории: он много работал, много сделал в своей области знаний, хотя мало писал, оставив после себя четыре книги и несколько статей в научных журналах.

Основная заслуга Евгения Михайловича Степанова, главный итог его деятельности – создание в Аджарии, на окраине Батуми, Лаборатории по биологической защите растений. Грузбиологатория, под таким названием она впоследствии приобрела известность, на многие годы стала притягательным центром для энтомологов нескольких поколений. Здесь закладывались основы для многих исследований, которые затем были продолжены в разных регионах СССР.

В своих воспоминаниях Владимир Александрович подробно описывает становление этой Лаборатории, ее расцвет, основные направления деятельности ее сотрудников и гостей, постоянно посещавших это замечательное место.

А специалистов, которые стремились побывать в Грузбиолоборатории, познакомиться с ведущимися в ней работами, было действительно множество. Евгений Михайлович Степанов являлся как бы ядром кристаллизации, вокруг которого роились и собирались энтомологи разных поколений. Это позволяло считать Грузбиолобораторию одним из центров отечественной прикладной энтомологии. Таким центром она оставалась еще долго после того как Евгений Михайлович покинул ее. Энтомологи Грузии, России, Украины, Молдавии многие годы изучали здесь энтомофауну субтропиков, проводили успешные работы по акклиматизации и расселению полезных насекомых и энтомопатогенных грибов, интродуцируемых из самых отдаленных уголков мира. Здесь молодые студенты и аспиранты приобретали знания и бесценный опыт общения с природой. Из «юных натуралистов» многие из них в последующем превратились в маститых ученых-энтомологов, известных специалистов по биологической защите и карантину растений.

Результаты работ, проводившихся без перерывов многие годы, легли в основу систем защиты растений по всему субтропическому побережью Аджарии, Абхазии, Краснодарского края. Многие из интродуцированных сюда полезных насекомых и энтомопатогенных грибов

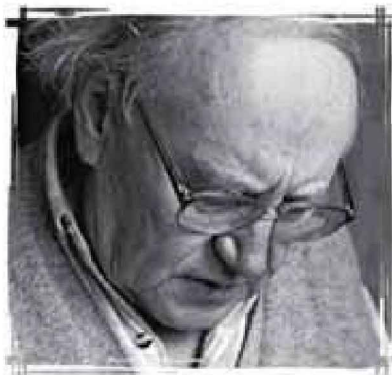
акклиматизировались и успешно контролируют численность случайно проникших в эту зону чужеземных вредителей растений. Некоторые из них широко используются ныне при защите тепличных и оранжерейных растений.

Все энтомологи, работавшие здесь в разные годы, с благодарностью вспоминают гостеприимство Е.М.Степанова, последующих руководителей Грузбиолоборатории и ее сотрудников. Традиции творчества и научного сотрудничества, заложенные Евгением Михайловичем Степановым, всегда воспринимались нами как лучший памятник этому незаурядному Человеку.

С. С. Ижевский

Предисловие

Память о людях исчезает очень быстро. Моя мать говорила мне в 1938 году, что душа человека живет до тех пор, пока люди его помнят. Как только не остается на свете ни одного человека, который бы покойного помнил, душа его умирает навсегда. Таково представление, идущее из глубокой древности и дошедшее до наших дней.

Как-то в г. Мельник в Чехии, я посетил знаменитую «Костницу» – подземелье, где аккуратно сложены тысячи человеческих черепов. Это были черепа воинов, павших в одной из средневековых битв. Кто назовет сейчас имя хотя бы одного из этих людей, тогда таких здоровых и полных ярости в пылу битвы? Наверное, никто. Назвать могут только тех людей, которые совершили какой-то значительный поступок (Илья Муромец, Герострат), о которых где-то что-то в каких-то книгах или документах написано, имена которых сохранились в архивных списках, высечены на камнях, колоннах и надгробиях, и,

наконец, тех людей, которые сами писали и оставили человечеству свои книги. Но ничто не может заменить свидетельств лиц, знавших того или иного человека.

Память о Евгении Михайловиче Степанове (Е.М.) меркнет на глазах. Из его сверстников никого уже нет в живых. В Краснодаре живут его дочь и внучка. Его помнят ученики. Вспоминают Е. М. некоторые относительно «молодые» энтомологи, заставшие его живым в последний, Краснодарский период его деятельности.

Е.М. был колеоптерологом (специалистом по жукам), блестящим знатоком щелкунов (Elateridae). Но опубликовал он по щелкунам мало работ. Поэтому молодые колеоптерологи его имени практически не слышали.

Хочется верить, что Е.М. еще помнят в Грузии, где он основал две прекрасные лаборатории по биометоду. Но вот в одной из них, в Грузинской лаборатории по биологическому методу борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур (далее – Грузбиолаборатория), в Батуми, уже не нашлось места для его портрета.

Е.М. Степанов с дочерью Натальей Евгеньевной

Печатное научное наследие Е. М. невелико: несколько статей на немецком языке в 1930-х гг. по систематике щелкунов с описанием новых видов в чешском журнале “Nachrichtenblatt Tropenau”; книга о биометод в Абхазии (1935) [ныне большая библиографическая редкость (в 1952 году она имелась в Библиотеке им. Ленина в Москве)], две книги о вредителях субтропических растений и несколько статей (в частности, статья о паразитах чайной моли в Аджарии и статья об инвазиях насекомых на Черноморское побережье Кавказа).

Нелюбовью публиковать результаты своей работы он напоминал некоторых других видных энтомологов, например, Михаила Алексеевича Рябова, Льва Владимировича Арнольди, Константина Владимировича Арнольди и Анатолия Николаевича Желоховцева. Но причины «непубликации» во всех этих случаях были разные, и я скажу о них в свое время и в своем месте.

Мой другой учитель Борис Иванович Рукавишников весьма иронически относился к «дару» Е. М. почти ничего не публиковать и презрительно называл это «работой под себя», объясняя такое поведение «хорошей русской ленью».

Но это не так! Научное и практическое наследие Е.М. зафиксировано в объемистых и хорошо иллюстрированных ежегодных отчетах Сухумской и Батумской лабораторий по биометоду. Евгений Михайлович писал их сам красивым и несколько архаичным языком, зимой, грея руки у огонька в холодном сыром помещении (на работе или дома) [Полная серия этих отчетов хранится, вероятно, во Всероссийском Институте карантина растений (пос. Быково, Московской области). Материалы из них частично были использованы С.С.Ижевским при написании его книги «Интродукция и применение энтомофагов», 1990].

Начиная свой очерк о жизни Е.М., я опираюсь при этом на свои личные впечатления (я лично знал Е.М. в течение 25 лет), на его рассказы, а также на свидетельства других людей. «Личное дело» Е.М. (т. е. официальные послужные документы, подшитые в неуклюжую канцелярскую картонную папку как это было положено в учреждениях нашей страны), хранится, вероятно, в архиве бывшего Краснодарского филиала Всесоюзного НИИ Фитопатологии (ныне Всероссийский НИИ биологической защиты растений). А личные бумаги – у Наталии Евгеньевны Степановой – его дочери, проживающей в Краснодаре.

Я приношу благодарность редактору моих «Воспоминаний», около 30 лет заведовавшему Отделом биометода Всесоюзного НИИ карантина растений, доктору биологических наук Сергею Сергеевичу Ижевскому. Он сам проработал несколько сезонов в Грузбиолaborатории, организовывал и принимал участие в интродукции целого ряда полезных насекомых.

Наталии Евгеньевне Степановой, дочери героя этой книги я благодарен за ценные сведения об ее отце и присылку его рисунков и семейных фотографий. Доктору биологических наук, профессору Евгению Семеновичу Сугоняеву главному научному сотруднику Зоологического Института Российской Академии Наук (Санкт-Петербург) и моей жене Елизавете Яковлевне Шувахиной за помощь, участие и ценные советы. Выражаю признательность Кириллу Глебовичу Михайлову и Аскару Камбаровичу Ахатову благодаря которым стала возможной публикация моих «Воспоминаний».

Мой очерк не претендует на детальное освещение биографии Евгения Михайловича Степанова. Это скорее эссе, основанное на личных воспоминаниях, попытка восстановить образ очень талантливого человека с непростым, противоречивым характером и сложной судьбой.

Судьба энтомолога

Евгений Михайлович Степанов родился в городе Екатеринодаре (ныне Краснодаре) 12 апреля 1902 г. (по старому стилю) в семье обедневших потомственных дворян [см. Степанова Н.Е., Сугоняев Е.С. Жизнь и деятельность Евгения Михайловича Степанова. В кн.: Биологическая защита растений – основа стабилизации агроэкосистем. Краснодар, ВНИИБЗР РАСХН, 2004. С. 3–8.]

Отца своего Е.М. в разговоре со мной называл «молчуном», «человеком, всю жизнь промолчавшим», «суровым». Я вспоминаю на Чаквинском пляже в 1950 г. худого и изможденного Е.М. и крепкого Бориса Ивановича Рукавишникова. «Вот скажите, Володя, – спросил меня Борис Иванович – кто из нас старше?» Я посмотрел на обоих моих учителей – настоящего и будущего и ответил без колебаний: «Мне кажется, что старше Евгений Михайлович...». «Нет, сказал Борис Иванович – он на несколько лет моложе меня!». «Жизнь непростая...» – смущенно произнес Евгений Михайлович.

Е.М. учился до революции в очень хорошем Екатеринодарском коммерческом училище. Как-то в Батуми он сказал мне: «Вы знаете, Володя, раньше, до Революции учили хорошо. Напрасно сейчас пишут, что в царские времена школа была отсталой. Вы даже представить себе не можете, какие у нас были прекрасные учебные кабинеты: физический, химический, минералогический, ботанический, зоологический! А какие преподаватели у нас были! И учили детей писать

грамотно, выработывали у учеников хороший литературный стиль – не то, что в нынешние времена. Сейчас никто элементарно грамотно писать не умеет». Я ответил Е.М., что нечто подобное говорил мне мой дед.

Михаил Дмитриевич Степанов – отец Е.М. Степанова

Мария Павловна (в девичестве Крауш) – мать Е.М. Степанова

Е.М. рассказывал мне, что уже в школьные годы увлекся изучением природы и начал собирать и определять лишайники. У него была большая коллекция лишайников, и он их хорошо знал.

В юности Е.М. познакомился с братьями Кириченко (Александром Николаевичем и Алексеем Николаевичем) и со своими ровесниками братьями Арнольди (Константином Владимировичем и Львом Владимировичем). Я лично знал их всех, кроме Алексея Николаевича Кириченко, который скончался еще до того, как я стал энтомологом. Братья Кириченко были много старше Е.М. Они родились и выросли в Керчи.

Александр Николаевич был великим гемиптерологом (специалистом по клопам), его брат – кокцидологом и деятелем в области карантина растений. Константин

Владимирович Арнольди был мирмекологом (специалистом по муравьям), а Лев Владимирович – гидробиологом и колеоптерологом. Е.М. говорил об этих выдающихся энтомологах с глубочайшим уважением.

С особым пиететом Е.М. рассказывал об Александре Николаевиче Кириченко, но не как о гемиптерологе, а как о хранителе коллекций и библиотекаре Русского (Всесоюзного) энтомологического общества.

Об Алексее Николаевиче Кириченко он говорил, что это был высокопринципальный человек; работая в 30-х годах в Одессе, в Селекционно-Генетическом институте в должности заведующего отделом защиты растений, он покинул этот Институт в тот же день, когда его директором стал Т.Д. Лысенко. И перешел в Одесскую инспекцию по карантину растений, откуда часто наезжал в Москву, в Управление по карантину растений, где щедро помогал коллегам: составлял и корректировал планы, редактировал инструкции, определял вредителей и т. д.

О Константине Владимировиче Арнольди Е.М. сказал тогда вот что: «Какой красавец был в молодости! А что с ним стало? Сейчас немного красивей черта!»

В Екатеринодаре во время Гражданской войны Е.М. пережил множество драматических событий. «Я видел, – говорил он, – как тело генерала Корнилова тащили по мостовой на веревке». [В те дни Красная армия пыталась взять Екатеринодар. Генерал Корнилов был убит 31 марта 1918 г. на своем командном пункте снарядом во время осады города. Белые с величайшими почестями похоронили его близ станицы Елизаветинской, в немецкой колонии Гначбау. Он был оплакан населением

(по меньшей мере, частью его, какой – можно догадаться). Красные, захватив город, нашли могилу ненавистного им генерала, вырыли тело из могилы, привезли его в Екатеринодар, проволокли по городу и повесили]. *(Подробнее – см. в воспоминаниях ген. Деникина «Очерки русской смуты» (журнал «Октябрь», № 11. 1991 г.)).*

Е.М. начал определять жуков по переводному определителю Шлехтендаля и Вюнша и только позднее приобрел хорошую книгу Кунта (на немецком языке). Этот последний определитель Е.М. очень любил. Он с гордостью показал мне эту книгу, где почти каждый признак был иллюстрирован на широких полях страниц. «Вот так надо было бы сделать определитель хальцид!» – сказал мне однажды Е.М.

В 20-е годы Е.М. учился в Институте прикладной зоологии и фитопатологии (ИЗИФ) в Ленинграде. Он боготворил это учебное заведение и его основателя профессора Николая Николаевича Богданова-Катькова. Они были дружны еще с Екатеринодарских времен. Е.М. часто рассказывал мне о феноменальной работоспособности этого замечательного человека, очень сожалел о его раннем параличе и ни разу не намекнул о похождениях любвеобильного знаменитого профессора, о которых в студенческой среде тогда ходили легенды.

В те времена, когда Е.М. учился в ИЗИФ'е, в этом институте выросла плеяда блестящих энтомологов, ставших впоследствии знаменитостями. Из них стоит упомянуть (а всех их не перечислишь) Николая Абрамовича Теленгу Игоря Васильевича Кожанчикова, Бориса Ивановича Рукавишникова, Владимира

Вениаминовича Попова, Всеволода Владимировича Гусаковского, Леонида Сергеевича Зимина, Всеволода Ивановича Волгина (учившегося там несколько позднее). Это была хорошая энтомологическая компания.

Е.М. ближе всего дружил с В.В. Гусаковским и Л.С. Зиминим, очень хорошо относился к Н.А. Теленге и уважал И.В. Кожанчикова. Но активно не любил В.В. Попова. Вероятно, эта нелюбовь к Попову пришла позднее, когда тот после войны не принял Е.М. на работу в Зоологический институт АН СССР. Но возможно, Попов держался в ИЗИФ'е несколько особняком, т. к. ему претила несколько «богемная» среда, каковой он считал компанию Гусаковского, Зимина и примыкавшего к ней Е.М. К этой компании относилась также крупная решительная женщина Евгения Кузнецова – жена цикадиста Виктора Кузнецова. Это были очень живые люди: Леонид Сергеевич Зимин был отличным танцором и не упускал случая поволочиться за дамами; Всеволод Владимирович Гусаковский писал отличные стихи и едкие эпиграммы, он был безнадежно влюблен в Кузнецову, тоже одаренную некоторыми художественными талантами (она пела и играла на гитаре).

Жили тогда трудно, и Е.М., как и многим другим, приходилось подрабатывать на разгрузке вагонов или пароходов в порту; возможно, ему пришлось поработать и корректором. Но вот о чем я доподлинно знаю, так это то, что он заведовал одно время наблюдательным пунктом по вредителям и болезням. Этот пункт находился к югу от Ленинграда. И лаборантом его был в то время будущий

знаменитый энтомолог Александр Сергеевич Данилевский. [Узнал я об этом в 1953 г., когда был в Батуми уже в роли аспиранта Зоологического института Академии наук СССР. Тогда Грузбиолaborаторию посетила небольшая группа студентов Ленинградского университета, отличающихся, как известно, изрядным снобизмом. Среди них была одна хорошенькая, бойкая, но бесцеремонная студентка. Е.М. спросил ее, под чьим руководством она выполняет дипломную работу. «Я выполняю работу под руководством Александра Сергеевича Данилевского, Вы, конечно, не знаете такого». «Столичная» барышня, увидев скромного директора скромной лаборатории, решила удивить его, произнеся фамилию Данилевского. Но Е.М. не вспыхнул, он скромно ответил: «Нет, я знаю его, он работал у меня лаборантом в 1928 г.»].

Студенты ИЗИФ'а часто засиживались вечерами в лабораториях института, занимались определением насекомых. Многие из них, в том числе и Е.М., начали работать и в коллекционных фондах Музея Зоологического института АН СССР. Тогда в этом институте было все не так, как сейчас, когда он переполнен людьми, сидящими, стоящими и бегающими повсюду. В институте было малоллюдно и тихо: здесь существовала система: один кабинет – один ученый специалист – один лаборант (до Революции 1917 г. лаборантов называли лабораторными служителями, это были исключительно мужчины, после Революции в лаборанты пошли преимущественно женщины).

Состав энтомологического отдела Института был следующий: в отделении жуков работали Георгий Георгиевич Якобсон и Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский; в отделении чешуекрылых – Николай Яковлевич Кузнецов; в отделении прямокрылых – Елена Федоровна Мирам; в отделении двукрылых – Александр Александрович Штакельберг; в отделении перепончатокрылых – Александр Степанович Скориков; в отделении тлей – Александр Константинович Мордвилко; в отделении полужесткокрылых – Александр Николаевич Кириченко. Ученых степеней кандидата и доктора наук тогда не было; эти звания были присуждены ведущим специалистам Зоологического института «honoris causa» (без защиты диссертации) в 1936 г. Но профессора были, например, Николай Яковлевич Кузнецов.

Е.М. начал посещать отделение жесткокрылых (жуков) Зоологического института и был представлен А.П. Семенову-Тян-Шанскому и Г.Г. Якобсону. Он был хорошо принят ими. Они часто беседовали с Е.М., а он благоговел перед ними до конца своей жизни и очень любил о них рассказывать. Книгу Г. Г. Якобсона «Жуки России и Западной Европы» Е.М. считал одним из шедевров мировой энтомологической литературы.

Во время пребывания в Ленинграде в 1920-1930-х гг. Е.М. сделал ряд хороших работ по систематике жуков-щелкунов, которые опубликовал преимущественно в Чехословакии.

В 1929 г. по мобилизации он работал в Туркмении инспектором в отряде по борьбе с пустынной саранчой *Schistocerca gregaria*.

Первой женой Е.М. была Александра Тимофеевна Кирьякова. Мне неизвестно, где она тогда училась или работала, но в 1952 г. я застал ее работающей в Зоологическом институте. Это была уже «пожилая» (на мой взгляд) женщина, с несколько аскетическим волевым лицом. Вероятно, у нее был сильный характер. Она была очень хорошей пианисткой и иногда играла на вечерах в институте, которые тогда были традицией повсюду. Ко мне Александра Тимофеевна относилась очень хорошо и даже однажды познакомила со своей дочерью. Вероятно, кто-то ей сказал, что я ученик Е.М., но она никогда даже не намекнула на то, что знала об этом. Вообще, она была очень сдержанна. Лишь лет через 15 после моего поступления в Зоологический институт кто-то сказал мне, что она была женой Е.М. Тогда я вспомнил, что в 1958 г. моя жена, Елизавета Яковлевна Шухахина, говорила мне, что Е.М. сказал ей как-то, что в свой ленинградский период жизни он очень много слышал хорошей музыки.

Второй женой Е.М. стала Галина Михайловна Кунинская. Черты лица ее были крупные и правильные, а волосы очень темные, как и глаза. В молодости у нее был живой характер. Я помню полный юмора ее рассказ, как, будучи студенткой, она впервые попала в Ленинграде на заседание Всесоюзного Энтомологического Общества. «Вы не представляете, Володя, как мне было смешно. Все эти знаменитые энтомологи оказались дряхлыми-дряхлыми заплесневевшими старичками. Да! И Семенов-Тянь-Шанский и Мордвилко. А у Мордвилко были такие коротенькие ножки, что когда он сидел на стуле в Президиуме, они не доставали до пола. Поверьте, Володя,

для нас все это было ужасно смешно... И какие они были скучные...Они несли, как нам казалось, какой-то скучный вздор». А Е.М. добавил к этим словам (разговор происходил в Батуми, в 1953 г.): «Заседание, о котором говорит Галина Михайловна, было действительно скучным. Докладчицей была дама по фамилии Денисова. Тема – «Морфология жуков щелкунов (Elateridae)». В процессе доклада обсуждалось строение гениталий (половых органов) самцов. Было много рисунков этих гениталий, строение которых докладчица подробно разбирала, и маститые светила энтомологии ее доклад весьма хвалили. С нами был Всеволод Владимирович Гуссаковский (близкие друзья-энтомологи звали его «Вовочкой»). Он тут же написал по этому поводу забавные стихи и пустил их по рядам:

«У элатера-жука
Вырос пенис в три вершка.
А у самки железа
Не бросается в глаза».

Жить в Ленинграде Е.М. и его новой жене Галине Михайловне было негде, да и работы, вероятно, не было. И они в 1931 г. уехали в Сухуми, где Е.М. поступил на работу в Абхазскую карантинную инспекцию. Возможно, что устроиться на эту работу ему помог Алексей Николаевич Кириченко, но это – лишь мое предположение.

[До этого Е.М. работал некоторое время на Кубани. Он любил мне рассказывать о том периоде своей жизни, потому что станица, в которой он жил, была непростая. В ней жили казаки-некрасовцы, возвратившиеся незадолго до этого (вероятно, в 20-х годах) из Турции. Отношение Е.М. к некрасовцам было особым, каким-то почтительно нежным. Я в то время о некрасовцах ничего не знал. Смутно вспоминаю, что в 1943 г. в Сталинабаде читал в каком-то учебнике истории, что после подавления в 1707 г. Булавинского восстания донских казаков войсками Петра I часть казаков, предводительствуемая атаманом Некрасовым, ушла в Турцию. «Петра I они считали антихристом, – сказал мне Е.М. А вы знаете, Володя, не только они так считали. Был, например, у Мережковского роман «Христос и Антихрист». Не слышали? Неудивительно, его теперь нигде не достанешь».

И Е.М. рассказал мне, что турецкий султан милостиво принял некрасовцев в свои владения и выделил им земли для постоянного поселения, позволив им отправлять церковные службы по их старообрядческому толку. Некрасовцы исправно служили в турецкой армии, петровскую и послепетровскую Россию считая вражеским государством и «Царством Антихриста». Во время Крымской войны они были лучшими разведчиками у турок. Язык и речь некрасовцев со времени их ухода с Дона не изменились, почему ими очень интересовались филологи. Е.М. рассказал мне, что он очень дружил с «попом» некрасовцев-возвращенцев из кубанской станицы, пел вместе с ним. Он видел у этого «попа» «Космографию» Косьмы Индикоплова в древнерусском

переводе. Позднее, когда я жил в 1952-1956 гг. в общежитии аспирантов Академии наук СССР в Ленинграде в здании «Пушкинского Дома», я слышал не раз разговоры о некрасовцах и узнал, что в Институте русской литературы АН СССР их историю специально изучает литературовед профессор Малышев.

Сам я некрасовцев видел всего лишь один раз в жизни в 1953 г., когда Е.М. взял меня с собой по делам в одно из «некрасовских» поселений в районе грузинских сел Супса и Натанеби, к северу от границы Аджарии, не слишком далеко от нее. Местность между горами и берегом Черного моря была тогда заболоченной, и среди этих болот пряталось небольшое селение некрасовцев (это были переселенцы из кубанской станицы, вероятно нашедшие приют в Грузии, почувствовав грядущее «расказачивание»).

В Сухуми Е.М. организовал первую в Грузии лабораторию по биометоду в рамках карантинной системы. Никаких деталей этого дела я не знаю, но уверен, что здесь не обошлось без участия влиятельного и деятельного ленинградского профессора Николая Федоровича Мейера, руководителя отделом биометода во Всесоюзном институте защиты растений (ВИЗР) в Ленинграде. В то время Мейер занимался акклиматизацией в СССР наездника афелинуса (*Aphelinus mal*) против кровавой яблонной тли (*Eriosoma lanigerum*) и божьих коровок: родолии (ведалии, новиуса) (*Rodolia cardinalis*) – хищника австралийского желобчатого червеца (*Icerya purchasi*), и криптолемуса (*Cryptolaemus*

moutrouzieri) – хищника субтропических и тропических мучнистых червецов (Pseudococcidae).

В своей работе по биометоду в Абхазии Е.М. был тесно связан с Мейером, перед которым преклонялся. И они были хорошо знакомы лично. В Сухуми эффективно работала станция Всесоюзного института растениеводства (ВИР). Директор ВИР'а великий русский ученый Николай Иванович Вавилов часто приезжал в Сухуми. Он встречался с Е.М. и интересовался проблемами биологической борьбы с вредителями.

1935 г. Е.М. живет с молодой женой в Сухуми. Там у супругов появилась дочь Наташа.

Е.М. худ, немного сутул, в глазах у него иногда диковатый блеск, свойственный некоторым жителям Кубани. Он энергичен, остроумен и очень вежлив, что импонирует жителям Кавказа.

Приехав в Сухуми, Е.М. установил знакомство с местными энтомологами. То было время, когда в Грузии работало много русских специалистов, в том числе и биологов.

Е.М. рассказывал о некоторых из них: об энтомологе и краеведе Евгении Семеновиче Миляновском, о палеоботанике, авторе замечательной книги "Растительный мир Колхиды" Альфреде Алексеевиче Колаковском, об Андрее Тихоновиче Сысоеве – абхазском карантинном инспекторе и агрономе по защите растений на дачах Сталина и Берии. (С Андреем Тихоновичем я был хорошо знаком с 1952 г. Знакомство это переросло в дружбу и продолжилось до его смерти в

пос. Лазаревское около Сочи).

Е.М.Степанов в период работы в Сухуми

С уверенностью можно предположить, что в этот же круг входил и кокцидолог Гальков (я не знаю точно, жил ли он в Сухуми; возможно, что местом его работы был г. Поти). Впоследствии Гальков вынужден был покинуть Грузию. Сысоев перебрался после войны в Лазаревское, а Милянковский и Колаковский остались в Сухуми.

Был у Е.М. в те времена приятель (живший в Тбилиси, но иногда приезжавший в Сухуми). Это был русский человек, по фамилии Беликов, вероятно родившийся в Грузии. Он свободно владел грузинским языком, причем настолько свободно, что его изысканной грузинской речи иногда

завидовали грузины. Внешность у него была чисто русская, что приводило подчас к недоразумениям.

Е.М. любил рассказывать мне, как его знакомый ехал однажды в одном купе вагона с почтенным грузинским семейством – усатым грузином, его женой и ребенком. Русские люди обычно не угощают незнакомых людей в поезде, но для грузина такое поведение было раньше, да и в послевоенные времена, невозможным. Грузины и армяне, садясь в поезде завтракать или вообще поесть, всегда предлагали соседу, кем бы он ни был, поесть вместе с ними. Так вот, когда это грузинское семейство приготовилось завтракать, мадам спросила у мужа: «Может быть, пригласим соседа?» «Вот еще, – ответил ей муж (конечно, они говорили по-грузински), – зачем будем мы приглашать эту русскую деревенщину!» Грузинская семья позавтракала. Тогда приятель Е.М. расстелил чистую салфетку, аккуратно положил на столик то, что обычно едят в Грузии, обязательно с зеленью – киндзой и проч., и в самых изысканных выражениях, какие есть в грузинском языке, обращаясь к главе семьи: «батону» – по-грузински – господин, предложил им отведать его завтрака. То, что произошло после этого, можно сравнить с ударом грома. Грузины были потрясены и не знали, куда деваться со стыда. Папа дергал себя за ус, как бы желая оторвать его, и говорил: «Уф, уф». Дальше беседа пошла на грузинском языке.

Среди грузинских энтомологов, работавших в 30-х годах в Сухуми, я помню только (со слов Е.М.) имена Гогиберидзе и Георгобиани.

Гогиберидзе был мужчиной, а Георгобиани (Тамара) – дамой благородного происхождения. О Гогиберидзе следует упомянуть особо. Он числится автором прекрасной книги «Кокциды субтропиков Грузии». Эта книга очень хорошо написана, снабжена многочисленными рисунками, фотографиями, картами и имеет большое английское резюме. [Профессор Бен-Дов из Реховота, Израиль (всемирно известный кокцидолог, собирает мировую литературу по кокцидам), когда я был в Израиле у него в 1989 г. в гостях, рассказал об этой книге. Я сказал, что видел ее в руках Е.М. Степанова в Батуми в 1951 г. и что издана она была в 1935 г. Бен-Дов был очень удивлен и просил меня достать для него эту книгу (Бен-Дов интересуется историей кокцидологии и, если не ошибаюсь, составляет словарь кокцидологов мира). Я пообещал ему сделать это, но не был уверен в успехе. Однако, через два года эта книга была у меня в руках. Ее подарил мне для Бен-Дова мой друг, абхазский энтомолог Роман Дбар (специалист по систематике наездников-браконид), и я передал ее Бен-Дову с Евгением Семеновичем Сугоняевым, посетившим Израиль в 1992 г.]

У меня сложилось впечатление, что Гогиберидзе был начальником Е.М., что они были в дружеских отношениях и что Гогиберидзе помогал Евгению Михайловичу в его начинаниях по биометоду.

Как-то, в 1951 г. Е.М. сказал мне, что эту книгу написал за Гогиберидзе он сам! Я был потрясен. Я входил в науку как в храм и, будучи наивным студентом-четверокурсником, не мог себе даже представить, что книгу может написать один, а имя на ней может поставить

другой. В те годы о советских ученых писали только хорошее (кроме как о «менделистах-морганистах-вейсманистах», но их грехи объявили «западным буржуазным» влиянием), и я был воспитан в подобных представлениях о таких «ученых». Однако, Гогиберидзе был, прежде всего, как я представляю себе, администратор. На мой удивленный вопрос Е.М., почему он это сделал, т. е. написал за другого человека такую книгу, он ответил, пожав плечами: «Так было нужно...». Конечно, сейчас я немного лучше разбираюсь в этих проблемах, но мне не хотелось бы их комментировать.

В том же 1935 г. Е.М. опубликовал в Сухуми книгу «Биологический метод борьбы с вредными насекомыми в Абхазии». Сравнивая стиль книг «Гогиберидзе» и Степанова, я не могу отделаться от впечатления, что они написаны одним и тем же человеком.

Патриархом энтомологов в Грузии был профессор, академик Академии наук Грузинской ССР Филипп Адамович Зайцев, в молодости работавший в Петербурге. В Грузии он был основателем и руководителем целой научной школы энтомологов. Но в развитии прикладной энтомологии в Грузии немалую роль сыграл Е.М.

По его словам, он написал для грузинских энтомологов несколько кандидатских диссертаций. Видимо, это была плата за возможность спокойно жить. Как-то Е.М. рассказал мне, что, когда он был еще студентом ИЗИФ в Ленинграде, руководство этого института предложило ему заняться азами энтомологии с двумя чудесными грузинскими юношами. И Е.М. им помогал, не жалея времени. Прощаясь с ним на вокзале, они клялись ему в

вечной дружбе. Впоследствии они стали в Грузии важными господами – профессорами, академиками. Е.М. мне их назвал: это были Кобахидзе и Канчавели («большой», старший). Е.М. сетовал на то, что «встав на ноги» и сделавшись «большими людьми» в Тбилиси, они потеряли простоту и стали очень важными персонами.

Я знал их: они приезжали иногда в Батуми и наносили визит Е.М. в его Грузбиолабораторию. Держались они с ним очень дружественно, но несколько покровительственно. Кроме ряда естественных причин, это объяснялось также и тем обстоятельством, что, подготовив ряд специалистов, сделавших в Грузии большую карьеру, сам Е.М. не защитил даже кандидатской диссертации...

В то время деятельность Е.М., весьма плодотворная, развивалась в нескольких направлениях:

1. Карантинная работа. Е.М. быстро освоил карантинное дело. Он хорошо ознакомился с основной мировой литературой по карантинным вредителям, в частности по кокцидам, научился их собирать, препарировать, определять, рисовать. Художником энтомологических объектов он был блестящим и хорошо владел фотографией, в том числе и фотографированием насекомых. Я думаю, что он предотвратил завоз в Абхазию многих опасных карантинных вредителей, таких, например, как средиземноморская плодовая муха (*Ceratitis capitata*), хотя у меня нет на этот счет конкретной информации. Несомненно, Е.М. Степанову очень помогал в этих делах Алексей Николаевич Кириченко, снабжавший его через Центральную карантинную лабораторию

Наркомата земледелия (в Москве) необходимой литературой и осуществлявший общее методическое руководство карантинной работой. Много помогал он Евгению Михайловичу дружескими советами и консультациями.

С Надеждой Никифоровной Шутовой, будущей заведующей энтомологическим отделом Центральной карантинной лаборатории, Е.М. встретился немного позднее, в 1937 г., но об этом ниже.

2. Организация в Сухуми лаборатории по биометоду. Об этой стороне деятельности Е.М. мне известно мало, но я думаю, что она потребовала большой энергии. Лаборатория была организована и работала эффективно.

3. Работа по биометоду в Абхазии. Сведения об этом можно почерпнуть из книги Е.М. Степанова о биометоде (1935 г.). Эта работа проводилась Е.М., несомненно, в контакте с Н.Ф. Мейером и другими сотрудниками ВИЗР. Основными объектами биологической борьбы были ицерия (*Icerya purchasi*) и мучнистые червецы: приморский (*Pseudococcus affinis*) и цитрусовый (*Pseudococcus calceolariae*) (тогда именовавшиеся, соответственно, *P. maritimus* и *P. gahani*). Против ицерии на Черноморское побережье Абхазии была интродуцирована из Египта австралийская божья коровка *Rodolia cardinalis* (она же – *Vedalia cardinalis*, *Novius cardinalis*). Е.М. занимался расселением новиуса, как он предпочитал называть этого жука, по Абхазии и его изучением. Против мучнистых червецов из Египта была завезена божья коровка криптолемус (*Cryptolaemus montrouzieri*), также австралийского происхождения. В Сухуми был построен

инсектарий, где криптолемуса разводили в массе на мучнистых червцах, культивируемых на этиолированных проростках картофеля.

Были также попытки интродукции из-за границы ряда наездников. [Эти сведения можно найти в книге С.С. Ижевского об интродукции и применении энтомофагов в СССР (1990)].

Большим событием в жизни Е.М. в сухумский период его деятельности была экспедиция в 1937 г. на Дальний Восток, в Приморский край (в то время его чаще называли Уссурийским краем). В это время в Приморский край для изучения насекомых и, в частности, энтомофагов, своих исследователей направили несколько учреждений: ЗИН АН СССР, ЗИН АН Украинской ССР, ВИЗР, Карантинная служба. От Зоологического института АН СССР среди известных мне энтомологов были Александр Александрович Штакельберг, Александр Николаевич Кириченко и Александр Михайлович Дьяконов). Украинскую экспедицию возглавлял Николай Абрамович Теленга. Со стороны Карантинной службы экспедиция для поисков полезных энтомофагов осуществлялась под руководством Е.М.

У меня имеются основания полагать, что сам Е.М. и задумал эту экспедицию. Юг Дальнего Востока СССР всегда привлекал его как в известной степени климатический аналог Кавказа, откуда можно было завозить энтомофагов.

Однако, даже не это главное. Е.М. всегда подчеркивал, что большинство интродуцированных на Черноморское побережье Кавказа растений (в том числе цитрусовые,

чай, бамбук, японская хурма, японская мушмула) – восточноазиатского происхождения, поэтому на юге Дальнего Востока СССР можно ожидать нахождения энтомофагов некоторых видов, которые (т. е. энтомофаги, а также фитофаги) прозябают здесь на северном краю своих ареалов. Особенно воодушевило Е.М. обнаружение на Дальнем Востоке СССР таких щитовок, как калифорнийская (*Diaspidiotus perniciosus*) (хотя название «калифорнийская» и укоренилось за этой щитовкой, родиной ее была Восточная Азия) и японская палочковидная (*Leucaspis japonica*) (ныне *Lopholeucaspis japonica*). Обе эти щитовки встречаются в Приморском крае, но там не вредят, а на Кавказе они очень серьезные вредители. Е.М. предположил, что отсутствие вредоносности этих щитовок на Дальнем Востоке – следствие деятельности их паразитов и хищников, которых и предстояло обнаружить и попытаться интродуцировать на Кавказ.

Кроме того Е.М., будучи широко образованным натуралистом, человеком, влюбленным в природу, давно мечтал побывать в Приморском крае, что тогда было непросто – требовался специальный пропуск. И Е.М. организации этой экспедиции добился.

Я не знаю числа участников этой экспедиции. В Москве Е.М. сказали: «С Вами поедет дама». Е.М. ответил: «Я баб в тайгу не беру». Но даму в экспедицию ему все же пришлось взять (кажется, они поехали вдвоем; я не знаю, был ли у них лаборант). Этой «бабой» оказалась Надежда Никифоровна Шутова, окончившая Воронежский университет. К несчастью, ей донесли о некорректных

словах Е.М. Всю долгую дорогу в поезде от Москвы до Владивостока (тогда более 10 дней) они не смотрели друг на друга и не разговаривали. То, что рассказывал мне в 1951 г. в Батуми об этой экспедиции сам Е.М., было столь потрясающе, что я, даже будучи студентом, никак не мог одобрить: «Вы знаете, Володя, я обращался с Надеждой Никифоровной очень жестоко. Когда мы шли с ней по тайге, то, переходя через речку или ручей, я даже не оборачивался и не смотрел, как она переберется, она сама как-то справлялась. Но... потом мы стали друзьями!» Что же тут сказать? Я знал Надежду Никифоровну много лет: она была очень интересным, значительным человеком, но не была красива. Я почти уверен в том, что будь в составе экспедиции «красивая дама», Е.М. (сам далеко не красавец!), отнесся бы к ней по-другому. Но уж таковы мужчины... У Е.М. на этот счет были свои вкусы, в которых мне нелегко разобраться.

Каковы были результаты этой экспедиции, я не знаю, ее отчета я не читал. И не могу сейчас, без литературы и документов, указать, кто и когда впервые обнаружил на юге Приморского края таких энтомофагов, как *Prospaltella perniciosi* (ныне *Encarsia perniciosi*) (паразит калифорнийской щитовки), *Marlattella prima* (паразит японской палочковидной щитовки), *Casca* (ныне *Pteropterix chinensis*), божья коровка *Chilocorus inornatus*, и некоторые другие.

4. Систематика жуков-щелкунов (сем. Elateridae). Систематикой щелкунов в сухумский период жизни Е.М. занимался очень активно, вчерне написав обширный текст определителя по фауне СССР с прекрасными рисунками. В

1951 г. я эту рукопись видел. До войны, переехав в Батуми, Е.М. еще работал над ней, но после войны, вернувшись из армии, он эту работу не возобновил. Я думаю, что у него не оставалось для этого ни времени, ни сил. Кроме того, работу надо было доводить до современного уровня познания щелкунов, а для этого надо было ехать в Ленинград, изучать коллекционные материалы ЗИН, что Е.М. делать было неудобно, т. к. он не мог возвратиться в Институт взятые на таксономическую обработку материалы из отделения колеоптерологии. Эти насекомые, когда Е.М. был в армии, заплесневели в его сырой квартире (всем известен влажный батумский климат – Е.М. называл бухту Батуми так же, как и французы – «Pissoire de la Mere Noire»).

Определитель щелкунов Е.М. так и не был опубликован. Уже в 60-х гг. его друг профессор Константин Владимирович Арнольди предлагал ему помощь в публикации этого определителя в Москве, но Е.М. так и не смог его завершить.

До войны, в сухумский период своей жизни Е.М. в Ленинграде бывал и в Зоологический институт заходил. Он поддерживал тогда отношения с известными колеоптерологами Акселем Николаевичем Рейхардтом и Андреем Андреевичем Рихтером, а также был в фаворе у Андрея Петровича Семенова-Тян-Шанского. Там же он познакомился с женой А.А. Рихтера Маргаритой Ервандовной Тер-Минасян. Лев Владимирович Арнольди тогда в Зоологическом институте еще не работал, а Олег Леонидович Крыжановский, будучи студентом, заезжал в Институт непосредственно перед войной.

Е.М. был очень высокого мнения о колеоптерологах Зоологического института. Часто говорил мне о Ф.К. Лукьяновиче, который был его сокурсником; о Сергее Ивановиче Медведеве, работавшим в ту пору на Украине. (С Медведевым он поддерживал хорошие отношения и преклонялся перед ним как перед энтомологом и человеком). Дружил Е.М. тогда и с Владимиром Ивановичем Талицким – известным деятелем в области биометода, работавшим в Одессе. В Москве поддерживал дружеские отношения с фитопатологом Михаилом Владимировичем Горленко и мирмекологом Константином Владимировичем Арнольди. О профессоре Николае Николаевиче Плавильщикове Е.М. упомянул при мне только один раз, причем с иронией по поводу публикации его книги «Гомункулюс», во всех отношениях замечательной.

С 20-х гг. Е.М. был знаком с фантастической личностью – Николаем Николаевичем Филипповым («Женжуристом»); отзывался о нем всегда с большим восхищением. Очень любил Е.М. Александра Сергеевича Данилевского, глубоко уважал профессора Владимира Николаевича Старка, работавшего в ВИЗР'е, с уважением отзывался об Александре Самуиловиче Мончадском. В 30-е гг. продолжалась дружба Е.М. с Всеволодом Владимировичем Гуссаковским и Леонидом Сергеевичем Зиминым.

Как-то Е.М. вызвали на курсы повышения квалификации, где, среди прочих, лекции читали Игорь Васильевич Кожанчиков и профессор Александр Александрович Парамонов. Е.М., рассказывая о лекциях

Кожанчикова по физиологии насекомых, сокрушался, что он их плохо понимал, так как отстал уже в знании этой области энтомологии. О лекциях Парамонова, посвященных растительным нематодам, он отзывался с восторгом, подчеркивая их четкость и замечательное мастерство лектора.

За сборами насекомых на территории Грузбиолоборатории

В 1936 г. Е.М. переехал из Сухуми в Батуми, где поступил на работу в Аджарскую карантинную инспекцию. Причины его переезда в Батуми мне неизвестны.

В Батуми Е.М. приступил к строительству и организации Грузинской лаборатории по биологическому методу борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур (Грузбиолоборатории). Место для строительства было выделено в аджарском селе Кахабери, расположенном к

югу от Батуми (приблизительно в 4 км от Батумского железнодорожного вокзала). Автобусы до Кахабери тогда еще не ходили, а машины в распоряжении Е.М. не было, и он был вынужден по несколько раз в день проделывать этот путь по жаре пешком. Эта лаборатория была открыта в 1947 г. И Евгений Михайлович был назначен ее директором.

Во время войны Е.М. призвали в армию, но не на фронт, а в охранные части войск НКВД (Народный комиссариат внутренних дел). Вероятно, в эти войска он был призван как работник карантинной службы, которая в известных случаях имела контакт с «компетентными органами» (например, при таможенных досмотрах). Так как Е.М. не имел офицерской подготовки, то служил солдатом. Зимой в овчинном тулупе, меховой шапке и валенках, с винтовкой в руках он охранял мосты в разных областях России, но преимущественно на участке Горький (ранее и ныне – Нижний Новгород) – Котельнич. Служба его длилась с 1942 по 1945 г.

Демобилизовавшись из армии, Е.М. занимался восстановлением и совершенствованием работы Грузбиолоборатории. Он начал широкие обследования насаждений субтропических культур с целью выявления и изучения паразитических и хищных насекомых. Много внимания уделял знакомству со всей природой Аджарии.

Еще до войны он подружился с С.Г. Гинкулом – сотрудником основателя знаменитого Батумского ботанического сада профессора А.Н. Краснова (брата генерала Краснова), умершего еще до революции.

Е.М. знал Батумский ботанический сад блестяще. Он знал о растениях, даже о редких видах, очень много и вполне мог водить по нему экскурсии как ботаник. Дружил он также с одним очень старым грузином, большим знатоком роз – человеком, работавшим в городском цветочном (садовом) питомнике. Этот старик, очень интересный человек, был садовником еще у самого Краснова. Е.М. меня с ним познакомил.

Период с 1947 по 1950 г. в жизни Е.М. мне мало известен.

Квартиры в Батуми он не получил и вынужден был снимать маленькую трехкомнатную квартирку в центре города, на улице Церетели, недалеко от улицы Сталина и Аджарского драматического театра. Квартирка эта находилась в типичном аджарском городском дворе, без водопровода, водяного отопления, газа. В ней было темно, сыро и всегда прохладно, а начиная с сентября – просто холодно. Топить приходилось дровами, водяная колонка и туалет находились во дворе. К тому же в Батуми зимой как-то редко отапливали жилье. Грузины привыкли греть руки и ноги у «мангала» – жаровни с углями. Такой «мангал» накрывали одеялом и, собравшись вечером всей семьей, грели руки и ноги, засунув их под одеяло.

Жилось Е.М. в те времена несладко. Заработной платы как директор Грузбиолаборатории он получал не более 800 рублей («старыми» деньгами). Этого было мало. (Я на 4-м курсе Тимирязевской академии получал стипендию 280 рублей!). А семья у Е.М. увеличилась. Помимо дочери Наташи в их семье появилась очень хорошая девочка, которую они удочерили. Я ее хорошо помню, ее звали

Татьяна. Галина Михайловна Кунинская (жена Е.М.) работала в Аджарской карантинной инспекции.

В магазинах Батуми был хлеб, сахар и еще какие-то мелочи, все остальное приходилось покупать на базаре, и притом недешево. Много было хорошего сухого вина (на бутылках ординарных, но при этом хороших сухих вин стояли не названия, а номера), но Е.М. не мог себе его позволить. Правда, фрукты и некоторые овощи на участке Грузбиолоборатории были свои.

По утрам, просыпаясь рано, он иногда рассматривал что-то в микроскоп, иногда рисовал – либо детали тела насекомых с рисовальным аппаратом, либо какие-то картины акварелью; рисовал он хорошо.

В обеденный перерыв сотрудники Грузбиолоборатории садились поесть за деревянный стол под развесистым инжиром. Грузинские дамы доставали какие-то бутерброды и зелень, а у Е.М. с собой никогда ничего не было. Дамы начинали угощать Е.М., он долго отказывался, затем соглашался, говоря: «По слабости характера не откажусь!» И брал маленький кусочек бутерброда, съедая его не торопясь и с наслаждением, которое было, на первый взгляд, совсем не заметно. Чай в Аджарии обычно не пьют, а пьют очень крепкий турецкий кофе. Если ему предлагали маленькую чашечку кофе, то он с наслаждением выпивал, не торопясь, крепкий густой сладкий напиток.

Е.М. был очень худ. Тем не менее, физически он был крепок. Он никогда не жаловался на скудное питание и обычно был весел. Рюмочку водки любил выпить, но изредка, говоря при этом на английский манер: «Уипьем

уодки». Но ограничивался только одной рюмкой, предварительно приготовив для себя небольшой «бутерброд» (чаще всего кусочек хлеба с килькой, иногда со «шпротиной»). Такой бутерброд он называл словом «пыж». (Я этого слова не слышал ни раньше, ни позже). За праздничным столом, в гостях, он мог выпить довольно много сухого грузинского вина.

Такой полуголодный образ жизни имел для Е.М. два следствия.

Он неминуемо должен был страдать хроническими запорами (в результате скудости питания, часто жизни всухомятку, любви к хорошему турецкому кофе, нерегулярному употреблению фруктов) [на участке Грузбиолаборатории было много хурмы, инжира, ежевики, алычи, но я редко видел, чтобы он когда-нибудь их срывал], отчего, по-видимому, у него и развился геморрой, которым он страдал многие годы.

Уже к пятидесяти годам Е.М. был почти без зубов. Лицо его выглядело старым, сморщившимся раньше времени, несмотря на влажный воздух Черноморского побережья Кавказа.

Курил ли Евгений Михайлович? Только иногда.

Благодаря скромному образу жизни, у Е.М. надолго был задержан процесс склеротизации мозговых сосудов. В результате этого он сохранил в старости и прекрасную память на то, что уже знал, и способность чувствовать и активно познавать новое. До старости он не утратил юмор.

В 60 лет Е.М. начал изучение китайского языка и в 70 читал китайские иероглифы свободно, даже дацзыбао. Более того, он рисовал кисточкой тушью иероглифы по

всем китайским правилам, держа кисточку вертикально. Писал он их очень красиво, в стиле великого китайского художника и каллиграфа Ци Бай-ши, перед искусством которого преклонялся.

Один из «китайских» рисунков Е.М. Степанова

Имел представление Е.М. и о некоторых разновидностях японской письменности.

Чтобы как-то сводить концы с концами, Е.М. вынужден был брать дополнительную работу. Это называлось работой по совместительству, и такая работа тогда не возбранялась. Он подрабатывал по вечерам на портовой карантинной экспертизе и даже в качестве товароведа.

Вернувшись в Батуми после демобилизации из армии, Е.М. привел в порядок лабораторию и создал в ней хорошую библиотеку книг по энтомофагам и биометоду,

формировать которую помогала ему Надежда Никифоровна Шутова.

В то время (после окончания войны и примерно до 1950 г.) в Грузбиолоборатории работали Алексей Андреевич Карницкий (главный агроном), Наталия (Ната) Константиновна Гаприндашвили (научный сотрудник) и Георгий Наскидашвили – агроном (когда я в 1950 г. посетил Цихисдзирский цитрусовый совхоз, он был там главным агрономом). Е.М. очень любил Алексея Андреевича Карницкого – тот был и хорошим агрономом, и хорошим хозяйственником, и неплохим энтомологом. Нату Константиновну Гаприндашвили Е.М. уважал как настойчивого работника и, как мне кажется, немного побаивался из-за ее сильного характера (он не любил женщин с сильным характером), иногда иронизировал над ляпсусами, которые она допускала в своих научных работах. В 1951 г. Н.К. в Грузбиолоборатории уже не работала; стала заведовать лабораторией по разведению криптолемуса и позднее переехала в Тбилиси, перейдя в Грузинский институт защиты растений. Сферы изучения энтомофагов вредителей сельскохозяйственных культур в Грузии были негласно поделены между нею (Западная Грузия к востоку до Сурамского хребта; Абхазия; Аджария) и Валентиной Адамовной Яснош, жившей в Тбилиси (Грузия к востоку от Сурамского хребта).

Георгием Наскидашвили Е.М. был доволен; он ему нравился. И очень сожалел, когда Наскидашвили ушел из Грузбиолоборатории, поскольку на нищенскую зарплату, какую ему там платили, жить не мог.

Возвратившись в Аджарию, Е.М. обнаружил, что ицерия поразила все цитрусовые сады субтропической зоны этого региона. Первоначальными кормовыми растениями этого вредителя, как часто говорил мне Е.М., являются в Австралии виды рода *Acacia* (акация). Из них он назвал мне два вида: австралийскую акацию (*Acacia dealbatä*) и *Acacia melanoxylon*. Первая из них с ярко-желтыми цветами известна жителям России и Грузии как «мимоза». Ранней весной грузины везли охапки «мимозы» в города России, где выгодно их продавали. В Грузию обе эти акации интродуцированы. Е.М. говорил мне, что яйцепродукция ицерии на австралийских акациях в 1,5 раза выше, чем на цитрусовых. И сейчас на Черноморском побережье Кавказа ицерию часто можно видеть на австралийских акациях.

До войны ицерии в Аджарии не было; но она была уже в Абхазии.

Е.М. удалось разгадать загадку, каким образом ицерия проникла в Аджарию. В то время карантинная служба работала в Грузии еще хорошо, хотя и бывали случайные завозы вредителей с растениями, предназначенными для посадки. Но до войны, повторяю, в Аджарии ицерии не было. Она была завезена в Аджарию военными, не подозревавшими об этом. Е.М. рассказывал нам об этом еще в 1950 г., когда мы, студенты 3-го курса, посетили Грузбиологическую лабораторию. Вот эта история.

Немцы рвались в Закавказье. Они уже захватили Туапсе и высадили воздушный десант в Абхазии, в горном селении Псху; этот десант вскоре был уничтожен. Батуми в стратегическом отношении был очень важный город:

здесь заканчивался нефтепровод Баку-Батуми, и здесь же располагался важный порт. Можно было ожидать и нападения со стороны Турции. В связи с этими обстоятельствами, одна из частей противовоздушной обороны была передислоцирована из Абхазии в Аджарию. Военные во время передислокации замаскировали свои автомашины и зенитные орудия ветками австралийской акации. На них-то и находились отдельные экземпляры ицерии. В Батуми зенитные батареи расположились на холмах за Ахалшенским чайным совхозом – в последующем именно оттуда в цитрусовые сады начала распространяться ицерия.

Е.М. срочно привез в Батуми из Абхазии хищного жука родолию, наладил его массовое разведение в Грузбиолоборатории и в течение 1-2 лет расселял хищника по Аджарии. Положение вскоре стабилизировалось: ицерия потеряла статус опасного вредителя. Она существовала в небольших количествах, и за ее счет кормилось небольшое число жуков-хищников родолий. Установилось равновесие.

Родолия на Кавказе – монофаг (возможно, что в Австралии, на родине, где имеется несколько видов ицерии, *Rodolia cardinalis* является узким олигофагом). Возникает вопрос: если родолия не ест ничего, кроме ицерии, то почему же она не уничтожит всю ицерию до конца и сама не погибнет от голода? Но в природе так не бывает. Не то, чтобы хищник оставлял себе какое-то количество жертвы не уничтоженной, чтобы поддержать свою собственную популяцию. Дело сложнее. Я не знаю соотношения биотических потенциалов родолии и

ицери, хотя это важно. Но в данном случае в сохранении в природе некоторого количества ицери играли роль два фактора: биоценотический и температурный.

О биоценотическом факторе Е.М. говорил и писал неоднократно. Вот что я запомнил. Муравьи часто строят вокруг колоний ицери на приземной части ствола деревьев галереи из земли. По ним они проникают к ицери, чтобы «подойти» ее, ради сладкой жидкости, которую та выделяет в большом количестве. Отверстия, через которые проходят по галереям муравьи, слишком малы для родолии. Потому такие колонии остаются неуязвимыми для хищных коровок. Таким образом, муравьи сохраняют определенную часть популяции ицери, бродяжки которой выползают из убежища и расселяются. Не редко вползают они на вершинные части растений, откуда разносятся ветром.

Второй аспект этой проблемы касается естественных врагов родолии, способных ограничивать ее численность. Возможно, что в Австралии таковые и имеются, хотя мне и не знакомы какие-либо литературные сведения об этом. Паразиты родолии мне никогда на определение не поступали; по-видимому, обычные на Кавказе паразиты личинок и куколок кокцинеллид в личинках и куколках родолии не паразитируют. А хищники, если и имеются, то малоактивны. Однажды я видел, как какая-то мягкотелка (жук) поедает жука-родолию (но, вероятно, это была лишь случайная жертва).

Но вот однажды, в 1951 г. на холмах над Махинджаури (поселок между Батуми и Зеленым Мысом) я обнаружил странное явление. В Грузии очень популярны особые бобы

(предмет национальной кухни) – лобио. В Аджарии лобио выращивают повсюду. Так вот, в Махинджаури, зайдя на плантацию лобио, я обнаружил на листьях этого растения мертвых жуков родолии. Я внимательно осмотрел их. Признаков грибного заболевания при этом не нашел. Но отцепить их от листьев лобио было не очень легко, для этого требовалось определенное усилие. Я обнаружил вскоре, что крючковидные волоски на листьях лобио удерживали жуков и не давали им возможности ни поползти, ни взлететь. Когда я рассказал о своем «открытии» Е.М., он очень удивился и заинтересовался: такое явление ему было не известно.

Много лет спустя я рассказал о моих наблюдениях Сергею Сергеевичу Ижевскому (автору прекрасной монографии об интродукции энтомофагов в СССР). Он спросил меня, опубликовал ли я что-нибудь об этих своих наблюдениях. Нет, не опубликовал ничего. И повторить их уже сейчас трудно: в Грузии неспокойно, и родолия с ицерией – в низкой численности.

Размышлял Е.М. и о роли климатических факторов. Возможно, что в citrusовых садах, расположенных на холмах, зимой холоднее, и ицерия там переживает холода лучше, чем родолия. Чем и сохраняется от полного уничтожения своим хищником.

Зимой 1949-1950 гг. субтропические культуры на Черноморском побережье Кавказа постигла страшная катастрофа. В Батуми в течение трех дней был сильный снегопад с морозом. Погибли апельсины, лимоны, половина мандариновых деревьев; замерзли эвкалипты, многие из них впоследствии восстановились от

прикорневой поросли. Погибла вся популяция родолии, но ицерия кое-где перезимовала и летом 1951 г. дала сильную вспышку.

Е.М. хорошо знал климатические особенности Черноморского побережья Кавказа, этой «Сибири субтропиков» и на «пожарный случай» держал в Грузбиолоборатории некоторое количество австралийских жуков. В 1950 г. он занимался массовым разведением жука, а в 1951 г. – расселением его по всем очагам ицерии в Аджарии. Роль одного из действующих лиц в этом интересном деле выпала мне – студенту 4-го курса Тимирязевской академии.

Кроме родолии, в этот период своей деятельности Е.М. уделял серьезное внимание и криптолемусу, но к 1951 г. эту тематику уже забрала себе Н.К. Гаприндашвили, покинувшая Грузбиолобораторию.

В конце 40-х годов в Грузбиолоборатории появился неожиданно еще один интересный объект для работы, а именно – крохотная божья коровка линдорус *Lindorus lophanthae*. (Она поменьше родолии и не красная (с черным рисунком), а коричнево-черная).

Попала эта коровка в руки Е.М. случайно. Профессор Иван Антонович Рубцов – сотрудник ЗИН, издавший в 1948 г. монографию по биологическому методу борьбы с вредителями, был направлен Министерством сельского хозяйства СССР в командировку в Италию с целью интродукции в СССР полезных энтомофагов. В Портичи (близ Неаполя) он посетил знаменитую Лабораторию сельскохозяйственной зоологии, основанную и в то время руководимую великим энтомологом и зоологом

профессором Филиппо Сильвестри (Filippo Silvestri). [Е.М. рассказывал мне, что написал до войны письмо профессору Сильвестри с предложением сотрудничества и с просьбой прислать каких-то энтомофагов. В ответ он получил вежливое письмо, в котором профессор Сильвестри писал ему, что он – член фашистской партии, которая запрещает ему делать что-то полезное для СССР, а так как присылка энтомофагов принесет СССР явную пользу, то послать паразитов он не может].

Ивану Антоновичу посчастливилось: он застал почтенного старца в живых. Был праздничный день, на улице (по словам Ивана Антоновича, сказанным мне в 1954 г.) пели серенады и танцевали. Сильвестри сидел за стареньким микроскопом и рисовал, рисовал великолепно. Он принял Ивана Антоновича радушно. Еще в довоенные времена в Италии разразилась страшная вспышка тутовой щитовки *Pseudaulacaspis pentagona*. Из США в Италию завезли японского по происхождению паразита этой щитовки – *Prospaltella berlesei*. Успех биометода в этом случае был яркий и сильно стимулировал его развитие в Италии. Шелководство в этой стране было спасено.

И.А. Рубцов послал в Москву посылку с веточками шелковицы с тутовой щитовкой, зараженной этим афелинидом. Посылка была переслана в Батуми, и здесь Е.М. обнаружил на ветках два экземпляра (самку и самца) мелкой божьей коровки, которую определил как *Lindorus lophanthae* (божьих коровок Е.М. знал очень хорошо). Жуки дали потомство. Е.М. поручил разведение коровки

Нате Константиновне Гаприндашвили, и она прекрасно справилась с этим делом.

Так же как родолия и криптолемус, линдорус происходит из Австралии; он был интродуцирован для борьбы со щитовками во многие субтропические и тропические страны мира. В посылке же, посланной Рубцовым, жуки оказались случайно. Е.М. решил выпустить линдоруса на пальмы городских насаждений, сильно заселенных пальмовой щитовкой (*Diaspis boisduvalii*). В дальнейшем он надеялся испытать этого жука и на других щитовках, вредящих растениям в Грузии: японской палочковидной, калифорнийской, чайной (*Pseudaonidia paeoniae*), коричневой (*Chrysomphalus dictyospermi*), желтой померанцевой (*Aonidiella citrina*), плющевой (*Aspidiotus hederae* – ныне *Aspidiotus nerii*) и туевой (*Carulaspis visa*). Но хорошо прижился линдорус, по-видимому, только на пальмовой щитовке. Однако, он, не имея зимней диапаузы, плохо перезимовал даже в Батуми. У Е.М. всегда был запас этого жука в оранжерее на финиковой пальме *Phoenix canariensis*.

И.А. Рубцов очень обрадовался, когда узнал о том, что в посылке, кроме *Prospaltella berlesei*, оказался линдорус. Он опубликовал о линдорусе статью. Евгений же Михайлович, лучше Ивана Антоновича знавший ситуацию с линдорусом, не опубликовал о нем ничего.

Что касается *Prospaltella berlesei*, то она в субтропической зоне Аджарии акклиматизировалась. Впрочем, экономического значения тутовая щитовка в Аджарии, по-видимому, не имела.

Кроме перечисленного Е.М. серьезно занялся проблемой калифорнийской щитовки. В Западной Грузии эта щитовка, хотя и обитала, но не вредила. Однако в Восточной Грузии, особенно в Горийском районе, она была воистину страшным вредителем, от которого засыхали яблоневоы сады; я видел в 1951 г. это собственными глазами.

Как я уже писал выше, калифорнийская щитовка родом из Восточной Азии (в СССР обнаружена в Приморском крае и на Сахалине, где она находится в северной части своего ареала). Описана она из Северной Америки, почему и названа у нас «калифорнийской». Американцы же называют ее «San Jose Scale». Время попадания ее в Европу на Кавказ и в некоторые районы Средней Азии мне неизвестно. В Северной Америке был обнаружен и описан внутренний паразитоид (в дальнейшем я буду называть его паразитом) калифорнийской щитовки – проспальтелла (*Prospaltella perniciosi*). Проспальтелла была обнаружена и на Дальнем Востоке СССР в этом же хозяине. Работу по ее интродукции проводили как Центральная карантинная лаборатория Министерства сельского хозяйства (ЦКЛ, Москва), так и Всесоюзный институт защиты растений (ВИЗР, Ленинград). В ЦКЛ этой работой руководила Н.Н. Шутова, в ВИЗРе – Белла Михайловна Чумакова. В свое время эта тема у прикладных энтомологов была весьма популярна. Был иногда в ходу даже термин «проспальтеллизация».

Численность щитовок и вообще большинства кокцид, в 70-е – 80-е годы резко снизилась в связи с тем, что было прекращено применение пестицидов ДДТ и ГХЦГ,

которые убивали в первую очередь паразитов и хищников вредителей.

Честь акклиматизации на Кавказе проспальтеллы оспаривали ВИЗР и МСХ, но... оказалось, что проспальтелла уже была на Кавказе до начала работ по ее интродукции. Е.М. еще до 1950 г. знал о ее присутствии в Горийском районе Грузии и в Адлерском районе Краснодарского края.

Вопрос этот был окончательно решен Марией Николаевной Никольской, обнаружившей в коллекциях ЗИН препараты *Prospaltella perniciosi*, выведенной в Майкопе из калифорнийской щитовки Эдуардом Карловичем Гринфельдом еще в начале 30-х гг. Таким образом, этот паразит проник к нам независимо от воли человека вместе со своим хозяином. Подобные коллизии сейчас по предложению профессора Де Баха (P. De Bach) называют эцезисом).

Еще до 1950 г. Е.М. оплачивал в Тбилиси работу Тины Гивишвили, проводившей в Восточной Грузии тщательные наблюдения (с учетом зараженности щитовки проспальтеллой и афитисом) над калифорнийской щитовкой на яблоне. Проводила она наблюдения и в Горийском районе. Е.М. был доволен Тиной Гивишвили и часто хвалил ее.

Однако, несмотря на присутствие в Горийском районе паразитов калифорнийской щитовки, многие деревья яблони там засыхали. Е.М. для выяснения причин этого явления добивался постановки чистого опыта, т. е. выделения какого-то участка яблоневого сада, где были бы запрещены химические обработки. Он верил, что на

участке, где паразиты и хищники щитовки не будут подвергаться губительному действию ядохимикатов, вред от калифорнийской щитовки будет сведен до минимума.

Я не знаю, добился ли он разрешения на выделение такого не обрабатываемого пестицидами участка. Власти на всех уровнях в те времена очень опасались не обработать какие-то сады ядохимикатами, так как в случае неурожая (причины которого могли быть совсем иными) их могли привлечь к ответственности за нарушение правил агротехники, в число которых входили и обязательные «профилактические» обработки ядохимикатами, независимо от того, имеется ли вредитель в данном саду или его там нет. В расширении объемов (площадей) обработок ядохимикатами были заинтересованы также руководители и работники службы Отрядов по борьбе с вредителями (ОБВ), заработная плата которых зависела от объема работы. [Показательно, что когда наш (советский) представитель по защите растений в Венгрии стал рекомендовать там этот наш «опыт работы», венгерские специалисты отвергли его, сказав, что Венгрия не такая богатая страна, чтобы «выпускать на воздух» (точнее, тратить) такое огромное количество дорогостоящих ядохимикатов, и что они скорее платили бы надбавки за экономию ядов].

Очень волновала Е.М. и проблема борьбы с японской палочковидной щитовкой (*Leucaspis japonica*). На Черноморском побережье Кавказа эта щитовка была и останется опасным вредителем. Она была обнаружена в Приморском крае СССР. И Е.М., естественно, стремился

интродуцировать в Батуми ее паразитов афелинид из родов *Marlattella* и *Pteroptrix* (Casca).

Пристальное внимание Е.М. привлекал японский опаловый хрущ *Maladera japonica* – также восточноазиатского происхождения. В Аджарию он, несомненно, был завезен случайно и стал массовым насекомым, особенно в Чакве, где в огромных количествах встречался на прибрежных песках (за полосой гальки), заросших злаками и дурнишником (*Xanthium*). Кое-где жук (взрослый) вредил в питомниках – грыз листья растений (личинки хруща живут в почве, на корнях растений). Этот вид был обнаружен в Приморском крае, где находится северная часть его ареала. Е.М. стремился получить оттуда паразитических мух – тахин из рода *Centeter*, т. к. знал, что американцы имели удачный опыт биологической борьбы с другим японским жуком – *Popillia japonica* именно с помощью тахин.

Как видим, проблем у Е.М. было много – и все нити для получения и поисков энтомофагов тянулись в Японию, Китай и на Дальний Восток СССР. Но с Китаем и Японией тогда научных связей не было, и поэтому все внимание Е.М. было обращено на наш Дальний Восток, в особенности на южную часть Приморского края. Условия для получения энтомофагов оттуда были не плохие – во Владивостоке работала Карантинная лаборатория, где имелись приличные специалисты. В Ворошилово-Уссурийске (до Революции – Никольск-Уссурийский, ныне – Уссурийск) находилась Опытная станция ВИЗР. Но

это учреждение в то время работало независимо от учреждений Карантинной службы.

Не упускал Е.М. из-под своего пристального внимания проблему биологической борьбы с желтой померанцевой щитовкой на цитрусовых. Существует (в США) два обычных вида так называемых «померанцевых» щитовок на цитрусовых: желтая померанцевая щитовка (*Aonidiella citrina*) и красная померанцевая щитовка (*Aonidiella aurantii*). В Аджарии на цитрусовых существует только желтая померанцевая щитовка, а красной нет. Сейчас она в Аджарии практически не вредит, а в 40-е – 50-е гг., когда цитрусовые усиленно фумигировали цианистыми парами, этой щитовки на листьях было много. В Японии на этих щитовках паразитирует энциртид *Comperiella bifasciata* – насекомое очень красивое, с прямыми темными расходящимися в стороны полосами на передних крыльях. Существует две расы этой энциртиды: «yellow scale race» (раса на *Aonidiella citrina*) и «red scale race» (раса на *Aonidiella aurantii*); обе они успешно интродуцированы в Калифорнию. Е.М. всегда мечтал получить для Аджарии и Абхазии желтощитовочную расу *Comperiella bifasciata*. Однажды, кажется, это ему даже удалось, но компериелла не прижилась.

Заканчивая описание научно-прикладных проблем, решаемых в 1946-1950 гг. Е.М., нельзя не упомянуть еще об одной – о проблеме биологической борьбы с японской восковой ложнощитовкой (*Ceroplastes japonica*). По-видимому, эта ложнощитовка стала серьезным вредителем цитрусовых и многих других культурных и диких субтропических растений с на Черноморском

побережье Кавказа вплоть до поселка Лазаревское с начала 30-х гг. (или ранее). Когда в первой половине 30-х гг. ее послали на определение Алексею Николаевичу Кириченко и Николаю Сергеевичу Борхсениусу она была определена ими как флоридская восковая ложнощитовка *Ceroplastes floridensis*. (Этот вид был впервые описан из Флориды, но происхождение его восточноазиатское). Это определение дезориентировало специалистов по биометоду, надеявшихся получить ее энтомофагов из США. Позднее Н.С. Борхсениус уточнил свое определение, установив, что у нас вредит *Ceroplastes japonica*, а *C. floridensis* у нас вообще нет. Узнав об этом, Е.М. обратил свое внимание на Восток. Второй вид рода *Ceroplastes*, встречающийся на Черноморском побережье Кавказа – китайская восковая ложнощитовка *C. sinensis*, в отличие от японской, обычно не является вредным.

Причиной еще одной дезориентации наших специалистов по биометоду было неверное определение (в 30-х годах) знаменитым палестинским (израильским) энтомологом профессором Фрицем Симоном Боденгеймером мучнистого червеца, сильно вредившего в тогдашней Палестине цитрусовым культурам, как червеца Комстока (*Pseudococcus comstocki*). На самом деле в Палестине червеца Комстока не было и пока нет, а вид этот, как выяснили израильские специалисты, оказался *Pseudococcus cryptus* (ранее *citriculus*). А в СССР *Pseudococcus cryptus* нет! Дезориентация заключалась в том, что, доверившись мнению авторитетного энтомолога, наши специалисты в области биометода предпринимали неоднократные попытки интродуцировать из Палестины (а

затем – из Израиля) паразитов червеца Комстока, наносившего в те времена значительный вред шелковице в Средней Азии.

Мне рассказывали, что возвратившись из армии, Е.М. сделал попытку поступить на работу в Ленинград, в Зоологический институт Академии наук СССР (ЗИН), но его туда не взяли, несмотря на то, что он великолепно знал щелкунов и имел уже почти законченный и иллюстрированный определить по этим жукам в объеме фауны СССР.

А.П. Семенова-Тян-Шанского, А.Н. Рейхардта и Ф.К. Лукьяновича, относившихся к Е.М. хорошо, к тому времени уже не было в живых. А.Н. Рихтер был серьезно болен. Директором Института был академик, генерал-лейтенант медицинской службы Евгений Никанорович Павловский, а отделом наземных беспозвоночных (ныне – лаборатория систематики насекомых) заведовал профессор Владимир Вениаминович Попов. Вероятно, именно по его инициативе Е.М. и не был принят в ЗИН.

Е.М. был страшно обижен. В разговорах со мной он несколько раз поминал Владимира Вениаминовича нехорошим словом, говоря, что «это – бесполезная личность». Конечно, Е.М. был не прав, потому что В.В.Попов был выдающимся человеком.

Сам Е.М. никогда не рассказывал мне об этой истории. Узнал я о ней от Олега Леонидовича Крыжановского, предполагавшего, что причиной тому было невозвращение Евгением Михайловичем в ЗИН взятых им до войны на определение и систематическую обработку коллекции щелкунов. Возможно, дело было более

сложным, чем могло показаться. Я многие годы думал о причине отказа Евгению Михайловичу, и у меня на этот счет сложилось свое мнение. Как мне кажется, и мне говорили об этом старшие коллеги, среди ленинградских энтомологов поколения, которое в 20-е годы и в начале 30-х гг. было молодым, уже существовало расслоение. Е.М., как он сам неоднократно мне рассказывал, дружил с Всеволодом Владимировичем Гуссаковским и Леонидом Сергеевичем Зиминым. Эта компания казалась (и, по всей вероятности, выглядела) богемной таким солидным по своей внутренней сущности людям, как В.В. Попов и А.А. Штакельберг. То, что Е.М. дружил с Гуссаковским, навело на него тень, т. к. в 40-е гг. не взяли в ЗИН и Гуссаковского, работавшего на Таджикской базе Академии наук СССР в Сталинабаде (ныне – Душанбе) (в ЗИНе он бывал подолгу по договорам, когда писал тома фауны СССР по пилильщикам). Гуссаковский тогда очень обиделся, написал письмо в Правительство (в Центральный комитет ВКПб), и в ЗИН была направлена комиссия для разбора этого дела. Академик Павловский сумел убедить комиссию в том, что Гуссаковский – не систематик, а фаунист, и место ему в каком-нибудь заповеднике. В Сталинабад Гуссаковский не вернулся, а уехал в Приморский край, в Судзухинский (ныне – Лазовский) заповедник, где и погиб.

Не приняли в Зоологический институт и диптеролога Л.С. Зимины; этому препятствовал А.А. Штакельберг. Вероятно, В.В. Попова и А.А. Штакельберга – личностей пунктуальных, пугали и смущали столь художественные натуры, как В.В. Гуссаковский и Е.М. Степанов. Между тем,

В.В. Попов был человеком деликатным. На моей защите кандидатской диссертации в декабре 1955 г. он сказал: «Владимир Александрович – ученик известного энтомолога Степанова».

Однажды, когда Е.М. приехал в Ленинград и зашел ненадолго в Зоологический Институт (это было во второй половине 50-х гг.), его очень приветливо встретила в коридоре профессор Маргарита Ервандовна Тер-Минасян. Я затащил Е.М. к В.В. Попову, и они немного поговорили (обо мне); как мне показалось, разговор был сдержанный. В тот же день Е.М. представил меня своему другу Владимиру Ивановичу Талицкому приехавшему из Кишинева. Тогда я ходил в синем халате и был очень истощен и невзрачен и не произвел на Талицкого впечатления. А я фамилию его знал еще до войны, по повести Геннадия Фиша «Теленомус и черепашка». Впоследствии мы с В.И. Талицким стали друзьями и много лет сотрудничали.

В 1951 г. Е.М. сделал много новых и важных дел. Здесь я их только перечислю, потому что позднее остановлюсь на них подробно, т. к. во всех этих мероприятиях я принимал то или иное участие.

Под руководством Е.М. было проведено расселение родолии по очагам ицерии во всей субтропической зоне Аджарии.

Из Приморского края была получена большая партия японского опалового хруща, зараженного мухой-тахинной (*Centeter ussuriensis*). Е.М. организовал массовое разведение мухи на хрущах местной популяции и

внесение зараженных жуков в почву с целью акклиматизации тахины.

Была предпринята попытка (к сожалению безуспешная) интродукции в Аджарию дальневосточного (из Приморского края) афелинида *Marlattella prima* против японской палочковидной щитовки.

Е.М. (вместе с главным агрономом Грузбиолоборатории Алексеем Андреевичем Карницким и мною) совершил поездку в Тбилиси и взял с собой Тину Гивишвили (Тина – домашнее имя; официальное ее имя было другое – Араксия).

Наша маленькая экспедиция направилась в Горийский район, откуда вывезла в Батуми несколько мешков с яблоневыми ветками с калифорнийской щитовкой, зараженной проспальтеллой. Из Батуми Е.М. организовал отсылку этих веток в несколько восточно-европейских стран, где калифорнийская щитовка сильно вредила яблоне.

В Аджарии и на прилегающих к ней территориях Е.М. руководил интенсивной работой по выявлению энтомофагов вредных насекомых, в особенности червецов и щитовок.

И, наконец, в 1951 г. Е.М. руководил дипломными работами и практикой двух студентов IV курса Тимирязевской Академии – В.А. Тряпицына и И.А. Барановской. (В 1950 г. такую практику проходили у него студенты IV курса нашей Академии Маргарита Антонова и Лидия Давыдова).

Интересно написать о двух случаях, произошедших с Е.М. несколько ранее, в 1948 г. Оба случая были связаны с

репатриацией в СССР зарубежных армян. Первый из этих случаев был необычным и мог привести к неприятным для карантинных работников и лично для Е.М. последствиям.

В один «прекрасный» день в гавани Батуми пришвартовался громадный теплоход «Россия», привезший армян-репатриантов из ряда стран Ближнего Востока (Египта, Сирии, Ливана). Е.М. вдруг пришла в голову мысль, что репатрианты могут везти с собой апельсины и лимоны, а также другие плоды цитрусовых, зараженные личинками средиземноморской плодовой мухи (*Ceratitis capitata*). Во многих странах, в том числе и в Средиземноморье, это серьезный вредитель плодов цитрусовых культур. Личинки мухи живут внутри мякоти плода, производя там такие сильные и неприятные разрушения, что пораженные плоды становятся совершенно непригодными для употребления. В некоторых арабских странах Ближнего Востока потери урожая плодов цитрусовых от этого вредителя достигают 80 %.

Можно понять, как был напуган Е.М. Он бросился в Батумскую карантинную инспекцию, в таможню, милицию и в управление НКВД. Через некоторое время пассажирам теплохода «Россия» по радио было объявлено указание – немедленно сдать в таможню и карантинным инспекторам все плоды цитрусовых и вообще все фрукты. Однако это объявление армяне не поняли, и апельсины и лимоны полетели за борт; армяне думали, что от них требуют именно этого. [Мой коллега Андраник Рафаелович Манукян позже рассказывал мне, что он слышал, как во время того плавания репатрианты развлекались, бросая

апельсины дельфинам]. Волны погнали плоды к махинджаурскому побережью. По настоянию Е.М. это побережье было оцеплено милицией, нарядами НКВД и воинских частей. Плоды собирали, обливали горячим и сжигали. Таким образом был предотвращен возможный занос в Аджарию опасного вредителя цитрусовых культур.

Тогда же (вероятно, в 1947 г.) в Батуми на одном из теплоходов, привозивших из-за границы армян-репатриантов, прибыл из Франции известный энтомолог-любитель Степан Миронович Яблоков-Хнзорян. Сойдя на берег, он разыскал Карантинную инспекцию и спросил, имеются ли в городе энтомологи. По-русски он говорил свободно, и ему указали домашний адрес Е.М. Он явился к Е.М. и порядочно напугал его, сказав, что он «прямо из Парижа» (в то время обычным советским гражданам даже разговоры с иностранцами возбранялись). «Очень приятно», – сказал Е.М. Они поговорили о систематике жуков.

Впоследствии, когда я в 1956-1957 гг. путешествовал вместе со Степаном Мироновичем по Армении и Нахичеванской АССР, я сказал ему, что Е.М. рассказывал мне об этой встрече. «Да, – ответил мне Степан Миронович, – я помню ту встречу. Степанов очень хороший человек, но он безнадежно отстал в отношении знания последней европейской литературы по систематике жуков». Конечно, Степан Миронович был прав: для того, чтобы знать текущую литературу по систематике жуков, надо было жить в Ленинграде и регулярно работать в библиотеках ЗИН и Всесоюзного энтомологического общества.

В 1951 г. состав сотрудников Грузбиолоборатории был следующим: Евгений Михайлович Степанов (директор), Алексей Андреевич Карницкий (главный агроном), Евгения Конопля (агроном), Ольга Горделадзе (лаборант), шофер – аджарец по имени Ахмед, сторож-уборщица украинка Галя. Студентами практикантами были И.А. Барановская и В.А. Тряпицын.

Одно время Е.М. зачислил меня и Иру Барановскую в штат рабочими, и мы получили какие-то очень небольшие деньги. Вот с таким скромным штатом Е.М. справлялся с большими задачами. Легковой машины в ведении Грузбиолоборатории не было, а имелся 3-тонный (т. е. выдерживающий нагрузку в три тонны) грузовик ГАЗ-АА.

Я ничего не знаю о деятельности Е.М. в 1952 г., кроме того, что, кажется, в эту пору его посетила сотрудница ЗИН Мария Николаевна Никольская, известный систематик-хальцидолог. В конце 1951 г. Е.М. написал ей в ЗИН письмо с предложением принять меня в аспирантуру с тем, чтобы я в будущем стал ее преемником. Мария Николаевна ответила Е.М.: «С нетерпением жду Вашего протечеж». К 1 сентября 1952 г. я уже приехал в Ленинград сдавать экзамены в аспирантуру.

В первых числах мая 1953 г. я опять появился в Батуми уже как аспирант ЗИН. На этот раз у меня была собственная программа исследований (*Энциртиды группы рода Arhycus фауны СССР*). Е.М. встретил меня очень сердечно и приютил в помещении Грузбиолоборатории. Он поселил меня в той же крошечной комнатке и на том же деревянном топчане, что и раньше. Но на этот раз я разделял эту комнатку со студентом IV курса

Тимирязевской академии Рафаилом Александровичем Васильевым, бывшим у Е.М. на дипломной практике. За несколькими изменениями состав сотрудников Лаборатории оставался прежним: лишь вместо аджарца Ахмеда на ГАЗ-АА ездил аджарец Миша, живший неподалеку, в том же селе Кахабери, а в лаборатории появилась новая лаборантка армянка Нина Гарегиновна Агекян.

Сотрудница Грузбиолaborатории Нина Гарегиновна Агекян

В должности лаборанта, но фактически научного сотрудника, работала И.А. Барановская и временным лаборантом одно время работала Наташа Пояркова (из

потомков знаменитого Пояркова, одного из русских первооткрывателей Сибири и Дальнего Востока XVII века).

В 1953 г. я уже не входил глубоко в проблемы биометода, которыми занимался Е.М., т. к. был озабочен сборами своих энциртид, которые мне почему-то поначалу в руки не шли. Е.М. по-прежнему относился ко мне очень тепло, как к родному сыну, и всячески старался помочь мне. В частности, он помог мне совершить путешествие по Горной Аджарии, что было очень не простым делом, познакопив меня для этого со своим приятелем осетином Мамитовым. Его жена, Роза Сергеевна, была русской, и он, будучи начальником Лесного управления Аджарии, написал начальнику Хулойского лесхоза письмо с просьбой принять меня и помочь мне «как родственнику моей жены». Это письмо в Хулойском районе мне очень помогло.

В этот же год Е.М. серьезно заинтересовался проблемой чайной моли. Этот вредитель чайного куста был описан еще до революции известным энтомологом Николаем Яковлевичем Кузнецовым как новый род и вид *Parametriotes theae*. В некоторых местах Черноморского побережья Кавказа (в отдельные годы) моль довольно сильно вредила чайному кусту. Ее гусеницы последних возрастов развиваются внутри веточек.

Е.М. был убежден в том, что чайная моль – насекомое восточно-азиатского происхождения, попавшее к нам вместе с чайным кустом. Он неоднократно говорил мне об этом, но подтверждений этому в литературе не находилось. Е.М. полагал, что этот вид либо не найден еще в Восточной или Юго-Восточной Азии или уже

известен там, но скрывается под каким-то другим научным названием. Истина выяснилась только после смерти Е.М. В начале 80-х гг. сотрудник ЗИН Сергей Юрьевич Синев (тогда еще лаборант, а ныне доктор биологических наук (докторская степень была присуждена ему в 1992 г., минуя кандидатскую), занявшись систематикой чешуекрылых семейства Mom-phidae, установил, что род *Parametriotes* относится к этому семейству и, более того, является синонимом широко распространенного рода *Tetanocentria*. Но в пределах этого рода видовое название Н.Я. Кузнецова «*theae*» не было преокупировано; таким образом, этот вид называется *Tetanocentria theae*. С.Ю. Синев установил, что этот вид известен из Китая. Таким образом, гипотеза Е.М. подтвердилась. В 1953 г. Е.М. поручил Барановской изучение чайной моли и ее паразитов. Совместно ими было обнаружено несколько видов паразитов этого вредителя: ихневмонид, браконид, хальцид. Эти паразиты были переданы в ЗИН мне. Владимир Иванович Тобиас определил браконид, а я – хальцид. Все паразиты оказались местными видами, перешедшими к паразитированию на чайной моли с каких-то других чешуекрылых. Е.М. вскоре опубликовал в журнале «Субтропические культуры», издававшемся в Грузии Научно-исследовательским институтом чая и субтропических культур (в поселке Анасеули, близ города Махарадзе, ранее и ныне – Озургеты) статью *Паразиты чайной моли*.

Паразит японского опалового хруща тахина *Centerer ussuriensis* в Аджарии не обосновался, вероятно, из-за отсутствия дополнительных хозяев. Н.Н. Шутова защитила

на тему об этом хруще и его паразите кандидатскую диссертацию.

В начале 50-х гг. Е.М. поддерживал дружеские отношения с Ольгой Александровной Алешиной – будущим директором Института сельскохозяйственной микробиологии (в Москве). Приезжал к нему также ботаник Федор Пилипенко – специалист по бамбукам, и Геннадий Владимирович Гусев, работавший тогда на Сахалине. Из тбилисских энтомологов Е.М. поддерживал дружеские отношения с Зоей Константиновной Хаджибейли (которую он очень ценил) и с Валентиной Адамовной Яснош.

В 1954-1957 гг. я виделся с Е.М. очень редко, лишь случайно – в Москве или Ленинграде. В 1955 г. я послал ему автореферат своей кандидатской диссертации. Он гордился тем, что его ученик так быстро стал кандидатом наук.

В 1958 г., когда я прибыл в Батуми на полевые работы, Е.М. сказал мне с иронией: «Я с интересом слежу, Володя, за Вашим ростом. Когда Вы были студентом Тимирязевской академии и Вас представляли кому-то, и Вам подавали руку, Вы складывали руку лодочкой и говорили: «Вова, студент». Потом Вы говорили – «Вова, аспирант». Теперь Вы можете говорить – «Вова, кандидат».

Автор воспоминаний – студент ТСХА В. Тряпицын (1951 г.)

Когда же я в 1974 г. защитил докторскую диссертацию, Е.М. написал мне из Краснодара, куда он к этому времени переехал: «Когда Вы, будучи студентом, шествовали по горам Кавказа в ботинках палача (свои грубые рабочие ботинки я в шутку называл «ботинками палача»), никто и подумать не мог, что Вы станете доктором наук, а вы им стали...».

После 1953 г. в работе Е.М. по биологическому методу борьбы с вредителями неожиданно открылись новые перспективы. В Аджарии появилась цитрусовая белокрылка *Dialeurodes citri*, ставшая сразу же серьезным вредителем. И здесь Е.М. проявил настолько важную инициативу, что лишь одна она должна была бы заставить

«благодарное потомство» вписать его имя золотыми буквами в историю защиты растений в Грузии. Однако роль Е.М. в этом деле была затушевана другими специалистами и учреждениями. Но я, живой свидетель этого события, могу со всею ответственностью, положив руку хоть на Библию, хоть на Коран, засвидетельствовать, что идея завоза в СССР паразитического гриба ашерсонии принадлежала Е.М. Степанову. И не только идея, но и ее первоначальное исполнение.

Вот как это случилось.

Е.М. прекрасно знал мировую литературу по биометоду (по основным сводкам; кроме того, он не упускал случая, бывая в Москве, поработать в богатой библиотеке Центральной карантинной лаборатории МСХ СССР, где было много редких книг и изданий, особенно из Японии и Китая). В это время (вероятно, в 1955–1956 гг.) в Ленинградский сельскохозяйственный институт (в городе Пушкин) был направлен из Китая в аспирантуру очень приятный и способный молодой человек Пэн Чжун-юнь. Руководителем его кандидатской диссертационной работы стал наш великий энтомолог профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Григорий Яковлевич Бей-Биенко. Григорий Яковлевич покровительствовал специалистам по биологической борьбе и умел ценить и хорошие идеи и хороших специалистов, и сам мог генерировать замечательные идеи. Он дал Пэн Чжун-юню очень интересную тему: *«Паразиты кокцид в субтропиках Черноморского побережья Кавказа и в провинции Сычуань в Китае: перспективы их интродукции в СССР»*. Примерно так звучала эта тема.

Г.Я. Бей-Биенко направил Пэна (это – фамилия аспиранта) в Батуми, в лабораторию Е.М. Е.М. и его жена Галина Михайловна полюбили Пэна, как родного сына. Часто он и жил у них, и Галина Михайловна ласково называла его «Пэнчик». Пэн отвечал им тем же и называл их своими родителями. В 1990 г. после более чем тридцатилетнего перерыва он приезжал в Ленинград, и наша встреча была сердечной.

В 50-х гг. Пэна сопровождал в Батуми Евгений Семенович Сугоняев, бывший тогда лекционным ассистентом Г.Я. Бей-Биенко в Ленинградском сельскохозяйственном институте.

Пэн очень быстро освоил русский язык. В течение первого года аспирантуры он собирал материал в Батуми и его окрестностях, а на втором году отправился на весь летний сезон в Китай, в провинцию Сычуань. Там он собрал великолепные материалы, выведя из кокцид много интересных паразитов. Человек он талантливый и очень быстро все схватывающий. Не стоит и говорить, как был заинтересован Е.М. в сотрудничестве с Пэном, ведь для него это была первая непосредственная связь с китайским энтомологом.

Для Е.М. открылись новые перспективы биометода, и я помню, в каком состоянии воодушевления и радостного возбуждения он находился в то время. Появилась возможность получить что-то ценное для биометода в Грузии непосредственно из Китая.

Когда Пэн Чжунь-юнь отправлялся в Китай, Е.М. попросил его о двух серьезных вещах: поискать в Китае цитрусовую белокрылку зараженную паразитическим

грибом ашерсония и обратить особое внимание на паразитов восковых ложнощитовок из рода *Ceroplastes*, в особенности паразитов японской восковой ложнощитовки *C japonica*. Из паразитов восковых ложнощитовок Е.М. очень хотел получить виды рода *Anicetus* из семейства энциртид. Пэн вывел большой материал по *Anicetus* и передал мне его на определение. Но во второй половине 80-х гг. я еще не имел необходимой для определения видов этого рода достаточной квалификации.

Систематика японских видов рода *Anicetus* была разработана немного позднее японским энтомологом Тецусабуру Тачикава, причем оказалось, что в японской восковой ложнощитовке паразитирует только один вид рода *Anicetus* – *A. ohgushii*. Я определил этот вид и из китайских сборов Пэна. Свои сборы из Китая Пэн оставил мне (2-3 баночки в спирте). Они и сейчас стоят в ЗИН в Санкт-Петербурге в одном из «моих» шкафов. Я очень хотел разобрать этот материал после опубликования работ Тачикавы, но тогда не решался это делать. В 60-х гг. отношения Китая и СССР настолько испортились, что я опасался повредить Пэн Чжун-юню, если опубликую что-то о китайских материалах по *Anicetus*. Эти мои опасения усиливались тем, что в Китае был репрессирован наш китайский аспирант, мой друг Чжао Ю-синь. [Из сборов Пэна я описал только один новый вид энциртида – *Paqahomalopoda derceto* Trjapitzin, но в названии нарочно не указал, что он из Китая, а при указании этикетки написал только: «Чэнду Сычуань, Китай», не указав фамилии и имени сборщика, чтобы не повредить Пэну Чжун-юню].

Пэн Чжун-юнь оправдал надежды Е.М. в отношении ашерсонии. Он отправил Е.М. письмо, в которое вложил листок цитрусового растения с грибом-ашерсонией (с пустулами ярко-красного цвета). Я сам видел этот конверт, письмо и этот листочек!

Е.М. имел теперь ашерсонию и начал культивировать этот вид, для чего принял на работу в Грузбиологическую лабораторию жительницу Батуми кандидата наук Татьяну Васильевну Тимофееву – даму уже немолодую, с не очень приятным характером, но хорошего грамотного работника. Была разработана суспензия спор ашерсонии и эту суспензию начали успешно применять против цитрусовой белокрылки. Несколько позднее за это дело взялась Центральная карантинная лаборатория МСХ СССР (в Москве) и ВИЗР (в Ленинграде). Эти учреждения получили из-за границы несколько видов рода *Aschersonia*, в том числе и с Тринидада, и успешно внедрили их в практику.

Когда я приехал в 1958 г. в Батуми на все лето уже в качестве научного сотрудника ЗИН для руководства полевыми работами китайцев – моего практиканта Ляо Дин-си и аспиранта Ивана Антоновича Рубцова Чжао Ю-синя, Е.М. рассказал мне о том, что в Батуми в 1956 или 1957 гг. (точно не помню) состоялась научно-практическая конференция по борьбе с грибным заболеванием лимонов, которое носит красивое итальянское название «мальсекко» (*malsecco*), что означает злое усыхание). Платыни гриба, вызывающий это заболевание, называется *Deuterophoma tracheiphila*.

Деревья лимонов, зараженные мальсекко, засыхают быстро. Эффективных мер борьбы с этим заболеванием в то время не было, оно считалось безнадежным, использовались лишь карантинные и профилактические меры: тщательная дезинфекция инструментов для обрезки, уничтожение больных деревьев и веток.

Е.М. проблемой мальсекко, насколько я знаю, специально не занимался и к этой конференции, организованной Т.Д. Лысенко и О.А. Алешиной, отношения не имел, хотя присутствовал на всех заседаниях. Были ли опубликованы труды конференции в Батуми, я не знаю.

В 1957 г. я виделся с Е.М. в Тбилиси и Батуми. В начале октября в 1957 г. в Тбилиси состоялся один из съездов Всесоюзного энтомологического общества. Я на этом съезде присутствовал, но доклада не делал, а Е.М. выступил с докладом. Заседания проходили в огромном зале Института марксизма-ленинизма. Я сидел на заседаниях всегда около Е.М. В Президиуме восседали только великие энтомологи – русские и грузинские: Бей-Биенко, Тер-Минасян, Штакельберг, Попов, Каландадзе, Канчавели, Кобахидзе. Вдруг в зал входит высокий худой старик и садится в Президиуме. Никто и глазом не моргнул, по-видимому, его все знали. Я же видел его впервые. Я спросил Е.М., кто это такой. «А это – Лежава...» – ответил Е.М. О Лежаве я давно слышал как о не слишком выдающемся энтомологе, в том числе и несколько анекдотических историй. «А что, – наивно спросил я, – разве Лежава член Президиума?» «Нет, – ответил Е.М. как бы и без тени юмора, потому что юмор был запрятан очень глубоко, – он сам сел в Президиуме».

«А почему? – спросил я. «Он любит сидеть в Президиуме...» – ответил мне Е.М. спокойно и как о нечто само собой разумеющемся.

Лежава был тбилисским энтомологом. Он стал известен тем, что обнаружил новый вид короеда, который был описан как *Hypotenemus lezhavai*. Лежава был этим обстоятельством очень горд и любил говорить: «Мой короед!». Однажды он спросил Е.М.: «А что, если я назову новый вид жука именем вождя?» (т. е. «*X stalini?*»). «Я не советую тебе делать это, – сказал ему Е.М. – Ведь ты понимаешь, жук такой маленький, а вождь такой большой, и тебе могут пришить политическое дело...».

«Это правда», – вздохнул Лежава. Оттиски своих статей он переплел в сафьян с золотым теснением. А впрочем, говорят, что это был человек безвредный, только очень курьезный.

К слову, о названиях насекомых. Грузбиолаборатория находится в селе Кахабери. Как-то Е.М. говорит мне (дело было в 1951 г.): «А что, Володя, если назвать новый род насекомого *Kachaberia* (Кахаберия) в честь нашего села? Вот будет красиво!» «Нет, – сказал он, подумав, – так нельзя... Кахаберия, Кахаберия, Берия, Берия... Еще пришьют политическое дело...».

В трудный для меня 1958 г. Е.М. очень сильно поддержал меня. Я был сильно истощен, после тяжелого сингапурского гриппа осени 1957 г. еще не пришел в себя, долго лежал в Ленинграде в больнице и, выйдя из больницы, сразу же женился. У меня был тяжелый гайморит, и только месяца через два я в Батуми прогрелся и мне стало легче.

Е.М. сначала устроил китайцев Ляо и Чжао в той самой комнате Грузбиолаборатории, где обычно жил я, и добился у батумских властей разрешения на работу китайцев в Кахабери, что было совсем не просто: рядом была турецкая граница, а времена были строгие. Е.М. старался помочь Ляо и Чжао всем, чем мог.

Фото. Е.М. Степанов с китайским аспирантом Пэн Чжун-юнь

Особенно симпатизировал он младшему китайцу – Чжао, человеку очень милому и открытому, в противоположность скрытному замкнутому Ляо. И судьба у них была разная. Чжао просидел около 10 лет в китайских лагерях, а Ляо стал директором Института энтомологии в Пекине. Когда батумские власти не

разрешили китайцам ночевать в Кахабери, Е.М. договорился со своей сотрудницей Евгенией Коноплей о том, что она сдаст им комнату в центре Батуми (платить за эту комнату пришлось мне из моих скудных средств).

Однажды Е.М. пошел погулять по Приморскому бульвару и увидел Чжао, в задумчивости смотрящего на море. «Вы подумайте, Володя, – сказал мне Е.М., – иду я и вижу – стоит у нас в Батуми житель Великой Ханьской империи совсем один, а ведь это – Батуми, не дай Бог, если с ним что-то случится...».

Е.М. привык быть в Грузии крайне осторожным. Когда на Алексея Андреевича Карницкого около его дома напал сосед-грузин, вынырнувший из темноты и нокаутировавший его, Е.М. не стал вмешиваться в это дело: «Алексей Андреевич вечно дерется со своими соседями...»

– сказал он. А дело было серьезное.

Е.М. оказал Чжао большую помощь в работе. Темой диссертации Чжао был кукурузный мотылек и его энтомофаги. Я об этом вредителе не имел никакого понятия и ничем не мог помочь Чжао. Е.М., увидев это, нашел участок кукурузы, где было много ее прошлогодних стеблей, и мы, нагрузив ими целую машину, привезли в Грузбиололаторию, где Чжао с удовольствием занялся изучением стеблей и быстро вывел из кукурузного мотылька много паразитов.

Е.М. был очень наблюдательным человеком. Мой ученик Ляо обычно махал сачком на участке Лаборатории, а затем садился на ступеньки крыльца и травинкой, обмакивая ее в спирт, выбирал из сачка мелких

перепончатокрылых. Однажды Е.М. сказал мне: «Вот посмотрите, Володя, Ляо уже два месяца сидит здесь и выбирает из сачка хальцид. Он накашивает и много мелких цикадок, выпрыгивающих из сачка; видите, трава вся выцвела вокруг того места, где сидит Ляо? Это он концентрирует цикадок вокруг себя, а они сосут траву, поэтому она и пожелтела!» А я, признаюсь, этого не заметил.

Вероятно, порой Е.М. было в Батуми не совсем уютно. Как-то он сказал мне, что его зовет в Лазаревское (севернее Сочи) его друг Андрей Тихонович Сысоев и предлагает в Лаборатории биометода ВИЗР хорошую спокойную работу. Андрей Тихонович звал Е.М. к себе настойчиво, но Е.М. жалко было бросить свое любимое детище – Грузбиолабораторию.

Иногда Е.М. выезжал в таинственные поездки на границу – в Гонию, Сарпи, в общем – за Чорох. В 1951 г. я очень завидовал ему в том, что он бывает в тех недоступных для меня местах. Его приглашали туда пограничники.

К моей жене, Елизавете Яковлевне Шувахиной, приехавшей в Батуми в 1958 г. несколько позже меня, Е.М. отнесся настороженно. Она его чем-то раздражала. Вероятно, ему не импонировала ее независимость в высказываниях и поступках, как мне сказала позднее в Москве Ирина Анатольевна Барановская, проработавшая в лаборатории с 1952 по 1954 г.

[Ирина Анатольевна не могла долго жить в дорогом Батуми на мизерную зарплату, фактически за счет дедушки и бабушки и пользуясь помощью родителей

(матери и отчима). Ей надо было устраиваться солиднее. И спустя некоторое время, она поступила в Москве в аспирантуру к профессору Александру Александровичу Парамонову в Лабораторию гельминтологии Академии наук СССР, возглавлявшуюся академиком Константином Ивановичем Скрыбиным].

Как-то во время пребывания моего и моей молодой жены в Батуми в 1958 г. Е.М., вообще очень скептически настроенный к младшему поколению, сказал: «Вот вы, теперешняя молодежь, даже своей родной истории не знаете. Вы, например, – обратился он к моей жене, – не назовете даже нескольких русских царей. Вас же ничему не учили!» «Евгений Михайлович, – ответил я, – моя жена как раз это знает. Давайте заключим пари: пусть моя жена и Ваша дочь напишут в последовательности всех наших царей, начиная с Ивана Грозного. Мы живем у Алексея Андреевича Карницкого, у него дома вообще нет книг по истории, подглядеть моей жене негде». Е.М. на такое пари согласился. Моя жена Лилечка принесла через два дня Е.М. список русских царей и цариц, в котором были даже императрица Анна Леопольдовна и император Иоанн Антонович. Дочь Е.М. Наташа такого списка составить не смогла. Когда Е.М. посмотрел на список Лилечки, он был очень удивлен, но его отцовская гордость была уязвлена. Он ничего не сказал. Как это ни странно, он не стал относиться после этого случая к моей жене лучше. Если раньше, в 1951 и 1953 гг., он часто приглашал меня к себе домой, то с женой он меня не пригласил ни разу. По-видимому, ему нравились женщины другого типа, более тихие и менее независимые.

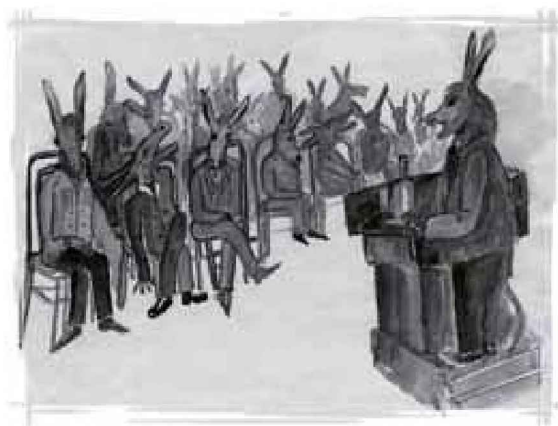
Покинувши Батуми осенью 1958 г., я не бывал в этом городе до 1963 г. Но мы с Е.М. и его женой Галиной Михайловной встречались в Ленинграде. Это могло быть, например, в 1959 г., когда Е.М. с Галиной Михайловной были на курсах повышения квалификации при ИЗИ-Фе. Е.М. снимал тогда комнату на улице Воинова. Раза два он был у нас дома, однажды даже ночевал. Как-то, будучи в Москве, я воспользовался пребыванием там Е.М. и попросил у моего отца разрешения прийти к нему с Е.М. Разговор между ними был сердечным, но, говоря обо мне, мой отец не сказал, что я человек способный, а что я – «великий труженик». Отец меня способным человеком не считал, по-видимому, потому что я был слаб в математике.

После знакомства с китайскими аспирантами и после дружбы с Пэн Чжун-юнем началось увлечение Е.М. китайским языком. В это время ему было уже под 60 лет. Большинству людей трудно себе представить, как можно начать изучать китайскую письменность в 60 лет и к семидесяти добиться успеха.

Что же побудило Е.М. взяться за такое сложное дело, за какое возьмется не каждый молодой человек? Можно представить себе, что Е.М. необходима была какая-то смена деятельности. Примерно в 60 лет у него, как в той или иной форме у многих мужчин, в том числе и у меня, усилились мизантропические настроения. Мизантропическое начало всегда присутствовало в нем, но как-то уравнивалось альтруистическим. Вообще, этот человек являл собою странную смесь альтруиста и мизантропа, вернее, он был альтруистом, но в словах

иногда выражал себя как мизантроп. Несомненно, Е.М. был очень хорошим человеком.

Е.М. создал прекрасную лабораторию, но его место все время кто-то хотел занять (из грузин), поэтому на него насылали и из Батуми и из Тбилиси всевозможные ревизионные комиссии, включая комиссии Госконтроля и так далее. Он устал от этого и хотел найти в жизни успокоительную нишу. Такой нишей стала для него китайская культура, китайский язык, китайские иероглифы. Тот, кому хотя бы немного пришлось знакомиться с китайскими иероглифами, хорошо понимает, что это – целый особый мир.

«Капричос» Степанова – Заседание «Ученого совета»

«Капричос» Степанова – «Доклад начальнику»

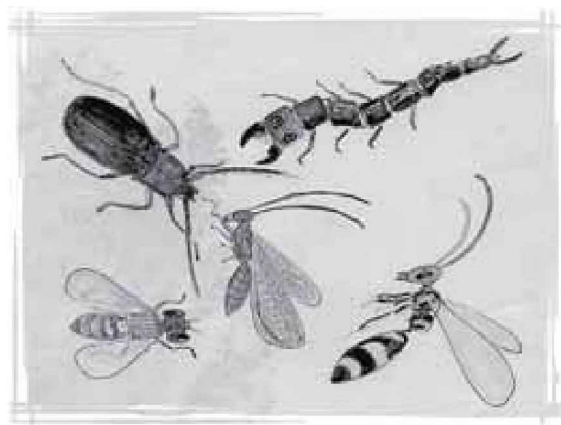
Одно время Е.М. отвлекался от неприятностей тем, что выращивал на участке розы. Его розарий мог соперничать с лучшими розариями Батуми.

Позже, находясь в угнетенном состоянии, Е.М. начал рисовать «рожи». Целыми вечерами или даже днями он рисовал страшные или иногда комически страшные, по-звериному тупые человеческие лица, то есть «рожи». Как-то он сам сказал мне: «Знаете, Владимир Александрович, я больше не вижу в Батуми человеческих лиц: одни рожи и рожи».

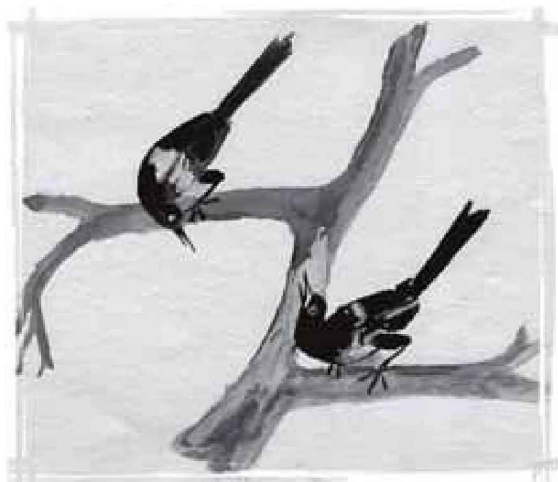
[Вероятно, в таком же состоянии находился великий испанский художник Гойя, когда рисовал свои «Капричос». Я читал где-то о Гойе, что он чувствовал себя так, как-будто с него содрана вся кожа, и он ощущает все нелепое и неприятное в жизни всей поверхностью своего тела.]

Одну из своих картин такого рода Евгений Михайлович подарил мне, я вставил ее в рамку, и она долго висела у

меня в Зоологическом институте, а затем дома, но впоследствии я ее со стены снял. На этой картине (в красках) были изображены «люди», сидящие на трибуне стадиона; были на ней и звери, и полужвери, и «детки-сволочи» (последнее выражение принадлежит известному советскому психиатру Борису Михайловичу Гузикову). Сходная картина была написана в свое время одним из знаменитых западноевропейских художников. Надо сказать, что картина Е.М., конечно, была значительно менее совершенна в художественном отношении, чем картина того знаменитого художника, но в ней было больше чувства, это было нечто более личное, наболеевшее.

«Насекомые» – зарисовки Е.М. Степанова

Сороки (Е.М. Степанов)

Я думаю, что увлечение Е.М. китайским языком было своего рода «убежищем» от неприятностей и тяжелых дум. И, кроме того, китайский язык был нужен Е.М. в его работе: ему стала доступна китайская и японская литература.

Я уже писал выше, что Е.М. подружился с аспирантом Г.Я. Бей-Биенко Пэн Чжун-юнем. Пэн привез ему из Китая настоящую китайскую тушь для написания иероглифов. Он показал Е.М. как держать кисточку и рисовать ею иероглифы. Но Е.М. пошел дальше. У него дома был большой альбом рисунков великого китайского художника Ци Бай-ши, бывшего также и знаменитым каллиграфом. На каждой из картин Ци Бай-ши имеются какие-то иероглифы и личный знак художника, нарисованный красной тушью. Евгений Михайлович начал подражать стилю Ци Бай-ши и изобрел для себя личный знак, который помещал на своих работах. Я думаю, что если бы

Евгений Михайлович изучал китайский язык только путем чтения со словарем, он бы этот язык не выучил. Важно было то, что он сразу же начал рисовать иероглифы и делал это с самого начала очень красиво.

После окончания Тимирязевской академии мой друг Р.А. Васильев остался работать в Батуми, в Грузбиолоборатории. Он с энтузиазмом взялся за работу, и Е.М. души в нем не чаял. Одно время Рафаил жил у Е.М. дома. Он был женат и мог продержаться в Батуми несколько лет только потому, что получал какую-то поддержку от отца – генерал-майора авиации.

Впоследствии отношения Е.М. к нему несколько охладели. Рафаил вынужден был в связи с материальными обстоятельствами покинуть Батуми и поступить на работу в дальневосточный заповедник «Кедровая Падь», а затем во Всесоюзный институт фитопатологии (в поселке Большие Вяемы близ станции Голицыно, в Московской области). Этот институт имел филиал в Кобулети (город в Аджарии, к северу от Батуми). Рафаил Александрович подолгу работал в этом филиале, куда перебрался и сотрудник Грузбиолоборатории Константин (Котэ) Александрович Цинцадзе. Молодые люди стали друзьями.

Е.М. очень стремился поехать в Китай, но туда ездили московские администраторы (из Министерства сельского хозяйства СССР) и Н.Н. Шутова. Тем временем и отношения между СССР и Китаем испортились.

У Е.М. оставалась одна лишь надежда – на Японию. Он стремился получить там паразитов японской восковой ложнощитовки *Ceroplastes japonica*. Ему обещали в Министерстве эту поездку, он оформил необходимые

документы и ждал вылета более года. Наконец он в Японию полетел! Было это в 1959 г. Прямых рейсов (через Сибирь) в Японию тогда не было, и в Токио летали по маршруту Москва – Ташкент – Дели – Бангкок – Гонконг. В Бангкоке была то ли пересадка, то ли длительная остановка, и Е.М. смог погулять по этому экзотическому городу. «Вы знаете, Владимир Александрович, что меня больше всего поразило в Бангкоке? Иду я по городу, а навстречу мне идет слон!»

В Японии Е.М. приняли с почетом. Это был триумф в его жизни. Сбылась его самая заветная мечта – побывать в Стране Восходящего Солнца. Он порастил японцев своим знанием иероглифов, и самому ему было интересно читать вывески и объявления и понимать некоторые тексты. Евгения Михайловича принял у себя дома знаменитый японский энтомолог и специалист по биологической борьбе с вредителями растений профессор Кейзо Ясумацу (Keizo Yasumatsu).

Ясумацу тепло и с уважением относился к русским энтомологам. Как ученый он был интернационалистом. Он сам, по-видимому, получил образование за границей, а его дочь училась в американском колледже. Но, как рассказал мне Е.М., дома Ясумацу оставался японцем. Он принял Е.М., будучи одетым в широкое японское одеяние, сидя на полу, и угостил гостя чаем. Его дочь, войдя в комнату, сначала пала ниц, а затем подползла к отцу на коленях. После этого она принесла аппарат и начала показывать фильм о своем пребывании в США.

В Университете Кюсю Е.М. вел переговоры о том, чтобы японские специалисты послали в СССР живой материал

энциртида *Anicetus ohgushii*, паразита японской восковой ложнощитовки. Японские коллеги сказали ему, что они этот вид паразита знают, и что *S. japonica* у них не вредит. Они готовы посылать материал в СССР, но им необходимы небольшие деньги, порядка 50 долларов США, чтобы оплатить труд лаборантов, которые будут собирать этих червецов. Е.М. заверил их, что эти деньги в Японию из Москвы перешлют. Когда Е.М. обратился в Москве в Министерство сельского хозяйства СССР с соответствующей просьбой, он получил отказ. Так из-за 50 долларов сорвалось важное дело, и дорогостоящая командировка Евгения Михайловича не принесла ожидаемых результатов.

Е.М. много времени проводил на воздухе, отчего его лицо всегда было загорелым. Приезжая в Ленинград, он удивлялся бледности лиц ленинградцев и говорил: «Жалко мне вас, вы всю жизнь проводите в коробках (т. е. в домах) и только переходите из одной коробки в другую – из дома в трамвай, из трамвая в учреждение, и потом все в обратном порядке. Оттого вы все такие бледные». Увидев бледнолицего Рафаила Александровича Васильева, Е.М. сказал: «Рафаил стал похож в Ленинграде на взлизистую медузу!» Такие слова я слышал единственный раз в жизни. Что такое «взлизистая медуза»?

Грузбиолаборатория, которую основал и в которой работал Е.М., находилась в двойном подчинении – Центральной карантинной лаборатории Министерства сельского хозяйства (в Москве) и Грузинским карантинным властям. Это положение, конечно,

причиняло многие неудобства: в два раза больше проверочных комиссий, хотя, впрочем, из Москвы их было значительно меньше, чем из Тбилиси и Батуми. Но визитеров всякого рода в Лаборатории было предостаточно. Каждый биолог, приезжающий в эти места, посещал Грузбиологическую лабораторию и ее радушного хозяина, который с удовольствием показывал всем свой уголок. И каждый уходил оттуда с большим букетом цветов.

Помню многократные визиты грузинских энтомологов, посещение Лаборатории тогда еще молодым Евгением Марковичем Шумаковым (в ту пору заведующим отделом массовых размножений насекомых в ВИЗР), проезд профессора Ивана Антоновича Рубцова (из Зоологического института АН СССР) с аспиранткой Марианной Михайловной Логиновой.

Были и иностранцы, но позднее.

Е.М. рассказывал мне, что однажды попал в неудобное положение, принимая одного из относительно молодых чешских энтомологов. Объясняя схему фауны паразитов и хищников какого-то вредителя, Е.М. по привычке, для популярности, назвал одного из наездников-браконид «браконом». «Нэт, – сказал чех, – это нэт *Bracon! Bracon* имеет зубэц, здесь зубэц нэт! Это нэт *Bracon*”.

Выход книги профессора И.А. Рубцова – специалиста по мошкам – задела Евгения Михайловича за живое. Речь идет об известной книге Рубцова о биологическом методе борьбы с вредителями, опубликованной в 1948 г. Е.М. никак не мог примириться с тем, что книгу о биометодике написал не специалист. Он носил эту книгу с собой и показывал многочисленные ошибки, допущенные

автором. Е.М. злорадствовал. Еще больше иронии вызвала у него другая книга И.А.Рубцова *Вредители цитрусовых и их естественные враги*, в которой ошибок было еще больше. Между тем первая книга очень интересна, и чем больше я ее читаю, тем она кажется мне интереснее.

Помимо прочего возмущался Е.М. взглядам И.А. Рубцова на «мутуализм» кокцид и их паразитов (точка зрения, согласно которой паразит и хозяин взаимно полезны друг для друга). «Что же, – вопрошал он, – наши глисты полезны для нас?» В 1955 г. в моей кандидатской диссертации *Энциртиды – паразиты ложнощитовок СССР* я покритиковал моего официального оппонента И.А. Рубцова за этот «мутуализм». «Это у Вас от Степанова», – с сердцем сказал мне Иван Антонович перед защитой. Действительно, в течение нескольких лет я был под сильным влиянием Е.М., но впоследствии понял, что и И.А. Рубцов был выдающимся ученым.

Интересно было наблюдать, как прореагировал Е.М. летом 1953 г. на падение Берии. Он сказал: «По-видимому, правительство решило, что нельзя дальше закручивать гайки».

Язык Е.М. был очень образным. Например, о Грузии он постоянно говорил, что это – «страна чудес и беззаконий». Говоря об экономическом состоянии СССР, постоянно повторял: «В стране идет процесс внедрения капитализма в социализм». О юге вообще он говорил: «Здесь плоды без вкуса, цветы без запаха, женщины без огня». Однажды, занимаясь со мной в фотолаборатории (мы осваивали новую фотопленку), он вдруг сказал: «Ну

что ж, попробуем! Одна попробовала и семерых родила. Однако, это не значит, что не надо пробовать...».

По-грузински Е.М. понимал довольно хорошо, немного даже говорил, любил вставлять в свою речь отдельные грузинские фразы и слова, как например «шен ици» (*ты знаешь*) или «шени мама цзаглы» (*сукин сын*).

Грузинскую кухню он очень любил.

Но особенно любил Е.М. хороший турецкий кофе. Однажды, в 1951 г., когда я провожал его домой, он спросил меня, пробовал ли я когда-нибудь настоящий турецкий кофе? Я ответил, что я не только никогда в жизни не пил турецкого кофе, но и не слышал о нем. Е.М. был очень удивлен: «Как, вы не знаете, что такое турецкий кофе? Я сейчас угощу Вас чашечкой. Но учтите, больше одной чашечки здесь пить не принято, он очень крепкий, действует на сердце. До 1877 г. Батуми был турецким городом, здесь много было кофеен. А теперь осталась только одна, где можно выпить чашечку очень хорошего кофе. Сейчас мы пойдем туда». Пройдя совсем немного, он вошел в едва заметную дверь, я за ним. В небольшой комнатке, довольно грязной, стояли три столика, за которыми сидели старики-аджарцы в чалмах. Мы нашли свободное место, и к нам сразу же подошел старичок в грязном халате. Он очень вежливо поздоровался с Е.М. Мне показалось, что он рад его приходу. «Здравствуй, Саша, – сказал ему Е.М., – пожалуйста, принеси нам две чашечки хорошего кофе». Весь разговор проходил вполголоса. «Как здоровье?» – спросил Е.М. «Хорошо», – ответил «Саша». «И, слава Богу...» – сказал Е.М... Через некоторое время «Саша» принес две маленькие чашечки

дымящегося черного кофе. Я, надо признаться, по моим воспоминаниям детства, представлял себе кофе как жидкость с молоком, а здесь была густая каша из мелко размолотых кофейных зерен, причем очень сладкая. Мы с наслаждением выпили по чашечке кофе по-турецки, и я почувствовал, что голова у меня постепенно прочистилась и стала легкой-легкой.

Когда мы вышли на улицу, Е.М. сказал мне: «Этот Саша мой старинный друг, мы служили с ним вместе во время войны в армии. Конечно, его зовут не Саша, у него другое имя. Так звали его в армии».

Я так и не понял, какой национальности был «Саша», то ли аджарец, то ли турок, то ли грек. В этом надо было разбираться. А в Батуми это было нелегко.

Например, во дворе у Е.М. жила красивая девушка, дочь директора магазина. Звали ее Люtfия, и я с ней даже немного подружился. Она была очень доброй и сердечной. С ней дружила дочь Е.М. Наташа. Е.М. сказал мне, что Люtfия не аджарка и не грузинка, а турчанка, и что правильно зовут ее Люtfие и добавил: «Вот описали бы Вы новый род энциртид и назвали его Lutfiaë (не Lutfia!), было бы очень красиво». Было ясно, что звучание имени этой девушки Е.М. нравилось. Люtfие была полной, и лицо у нее, в отличие от грузинок, было круглое.

Однажды Е.М. спросил меня, пробовал ли я когда-нибудь турецкое блюдо «пейнерли»? Я, конечно, и слышать не мог о таком блюде. «Я угощу Вас пейнерли, это удивительная вещь!» – сказал Е.М. заговорщически. Мы отправились на набережную около пристани и там, напротив батумского морского ресторана-поплавка, он

зашел в очень приличное, хотя и небольшое заведение и заказал две порции пейнерли, которое подали прямо-таки обжигаяще горячим. Это оказалась довольно большая лодочка из теста, в которую аккуратно выливают два яйца, кладут кусок сливочного масла и небольшой ломтик аджарского сыра. Лодочку ставят в духовку, где все это содержимое, точнее, масло и сыр плавится и пропитывает дно лодочки из теста, а края лодочки становятся хрустящими. Когда я ел пейнерли, то был на вершине блаженства. И Е.М. очень любил пейнерли, но, вероятно, не всегда мог себе такое удовольствие позволить.

Впоследствии, бывая у грузин в Тбилиси, я спрашивал у них о пейнерли. Некоторые знали это название кушанья, но большинство не знало. Позднее я выяснил, что в Восточной Грузии оно тоже известно, но под другим грузинским названием.

Иногда на Е.М. находили периоды альтруизма. Однажды, в сентябре 1951 г., когда у нас в лаборатории была страшная сырость, и у меня зуб на зуб не попадал от холода (я еще был сильно истощен недоеданием), Е.М. пожалел меня и поселил у себя дома. У него было не лучше, питание было скудное, но мне было очень полезно слушать его беседы. Однажды, проснувшись в 7 часов утра, я уже застал его сидящим за микроскопом (с 5 утра!). Видимо, ему не спалось, и он решил порисовать с рисовальным аппаратом части тела (усики и крылья) двух афелинид и сравнить их строение. Е.М. с удовольствием объяснил мне различия между этими видами.

Но ему не чужда была и простая «мужицкая» работа. Как-то я застал его во дворе дома, когда он колот дрова.

Делал это он довольно ловко. Заметив мой восхищенный взгляд, он сказал с гордостью: «Вот я к самым разным делам приспособлен: и дров могу наколоть, и розы вырастить, и в насекомых неплохо разбираюсь, и доклад на Комиссии ВАСХНИЛ сделать!»

В 1963 г., в июле или начале августа, я приплыл в Батуми на пароходе из Сухуми вместе с группой индийских ученых (Мани, Бисвас, Рамусвами, Тивари, мадам Голи) и вторым сопровождающим – переводчиком ботаником Сергеем Евгеньевичем Коровиным, заведующим отделом тропических растений Главного ботанического сада Академии наук СССР (в Москве).

Е.М. принял нас великолепно. Жили мы в гостинице «Интурист», что на Приморском бульваре. Е.М. провел нас по Батумскому ботаническому саду и устроил пышный прием за накрытым белой скатертью столом в саду Грузбиолaborатории.

Впоследствии, когда Е.М. ушел из Лаборатории и уехал в Краснодар, у меня уже не было желания посетить ее, так как я слышал, какому разгрому подверг ее новый директор: уничтожил большинство растений на участке, залил все ядохимикатами, почти уничтожив и вредных и полезных насекомых, выстроил новое здание, не сломав старого домика и оранжереи. В следующий раз я поехал в Батуми уже в конце 80-х гг. и был разочарован.

Примерно через год я встретился с Е.М. в Москве, в Центральной карантинной лаборатории МСХ СССР. Он пригласил меня пойти с ним в гости к его другу, известному фитопатологу профессору М.В. Горленко, угостившему нас водкой и оказавшемуся милейшим

человеком. Я рассказал тогда о некоторых наших приключениях с индийской делегацией – забавных и не забавных. К некоторым рассказам об обстоятельствах нашей *советско-индийской эпопеи* Е.М. отнесся совсем не одобрительно и на обратном пути довольно резко высказал мне свое мнение. Я понял, что, вероятно напрасно почтенные энтомологи в свое время причисляли Е.М. к божественной компании. Человеком божественным он не был, хотя, несомненно, в молодости отличался живостью характера.

О делах Грузбиологической лаборатории после 1963 г. я знаю мало. В это время Е.М. много внимания уделял своей сотруднице Нине Гарегиновне Агекян. Она очень хорошо рисовала, была очень наблюдательна, но страшно медлительна. Обстоятельства жизненные тогда были у нее очень тяжелые: мизерная зарплата, больные мать и тетушка на руках, очень плохие жилищные условия. Е.М. любил Нину Гарегиновну за ее трудолюбие, исполнительность. Она отвечала ему большой преданностью. Понимая, что Нине как-то надо вставить на ноги, Е.М. дал ей тему кандидатской диссертации *Паразиты и хищники вредителей бамбука в Аджарии* или даже шире: *Насекомые, обитающие на бамбуке в Аджарии, и их паразиты и хищники*. Тема эта очень интересна.

Пока Е.М. работал в Грузбиологической лаборатории и много помогал Нине Гарегиновне, дело шло успешно. Она сдала в журналы несколько хороших иллюстрированных ею статей, которые печатали незамедлительно (в их стиле чувствовалась правка Е.М.). Но в тот период Нина несколько раз пыталась сдать в Тбилиси кандидатский

минимум по философии, но так и не могла этого сделать: ее либо проваливали, либо она от смущения и страха молчала. С кончиной Е.М. работа Нины Гарегиновны заглохла. А сейчас ее уже нет в живых.

В последний период своей работы в Грузбиологической лаборатории Е.М. написал интересную статью об инвазиях насекомых на Черноморском побережье Кавказа. Статья была опубликована в солидном журнале. В ней Е.М. впервые в нашей литературе подчеркнул серьезное значение инвазии на Черноморское побережье восточноазиатской цикады *Ricania japonica*, переходящей в «биологический взрыв» (эта цикадка в массе перешла на инжир и чайный куст).

Как известно, в Грузии, как и во всякой восточной стране, лучшим оружием является вежливость. Будучи сам чрезвычайно вежливым, Е.М. и к вежливым людям относился мягко и доброжелательно. Не выносил он людей нахальных, стараясь избегать их; когда мог, давал им отпор.

Е.М. очень хорошо отзывался о моем коллеге – хальцидологе Евгении Семеновиче Сугоняеве, человеке воспитанном. Он говорил неоднократно, что с Женей Сугоняевым можно поговорить о любых проблемах биологии. А вот друга Сугоняева – Марка Владимировича Столярова, приехавшего в 1958 г. в Батуми собирать материал по кузнечикам, Е.М. сразу невзлюбил и называл (за глаза) Марком Волоховым. (Герой романа Гончарова *Обрыв*, главной чертой характера которого являлась дерзость). Причиной этому являлась постоянная бравада Марка, хотя Марк человек очень хороший и добрый,

никому не делающий зла. Просто у него такие манеры. Он мой старинный друг (Он, увы, также ушел из жизни).

Я не знаю обстоятельств, вынудивших Е.М. покинуть Батуми и Грузбиолабораторию. Сделать это было для него очень тяжело. Он вложил в Лабораторию не только свой труд, но и всю свою душу.

На Грузбиолабораторию участились налеты различных комиссий. Начала болеть и скончалась супруга Е.М. – Галина Михайловна Кунинская. Дочь их – Наталья Евгеньевна Степанова окончила Тимирязевскую академию (отделение защиты растений агрономического факультета) и стала энтомологом. Она была направлена на работу в Краснодар, в карантинную инспекцию.

Директором Краснодарской карантинной инспекции в ту пору был очень умный и смелый человек, друг Е.М. – Зак Е.М. его очень уважал. Как-то он рассказал мне о Заке следующую интересную историю.

Однажды в числе других ответственных руководящих работников сельского хозяйства пригласили Зака в Москву, где им дал аудиенцию академик Трофим Денисович Лысенко. Академик сидел, а перед ним стояла ваза с фруктами. Во время беседы он все время ел виноград и другие плоды. Лысенко был в хорошем добродушном настроении, рассказывал присутствующим, что кукушка не подбрасывает яйца в гнезда других птиц, например, пеночки, а что птенцы кукушки рождаются из яиц пеночки. Слушатели уныло молчали, боясь возразить академику. И вот вдруг раздался пискливый голос Зака: «А как же, Трофим Денисович, этот кукук (Kuckuck – по немецки – самец кукушки) из гнезда пеночки через узкое

горлышко выберется, ведь он большой, а пеночка маленькая?» «Что там еще за кукук? Какой такой кукук?» – проскрипел своим ржавым голосом Лысенко (у него была такая страшная болезнь голосовых связок, что голос напоминал скрежет водопроводной трубы. Это не был человеческий голос). «А они все кукуки! – ответил Зак, – им самки не нужны, за них пеночка яйца кладет!» Лысенко в бешенстве, которое он, обычно старался не показывать, распустил аудиторию. Идут по коридору смущенные участники совещания, Зак позади всех. И вдруг, приставив палец ко лбу, он произносит слова, которые услышали все: «Не в порядке что-то с академиком. Надо бы к психиатрам обратиться...». Е.М. рассказал мне эту историю с большим удовольствием. Лысенко он, как и его старший друг и учитель Алексей Николаевич Кириченко, ненавидел.

Но о политике Е.М. предпочитал не высказываться; такие уж были времена. Помню только, когда мы были в 1951 г. в Гори, и он счел нужным показать мне дорогу к домику, в котором родился И.В. Сталин (тогда этот домик стоял на улице еще в своем естественном виде, и улица была почти такая же, как во времена детства Сталина; павильон над домиком построили позднее и, кроме того, разрушили целый старый квартал, устроив мемориальный комплекс). Сам Е.М. в домик не зашел, сказав, что он уже там был. Несколько позже он сказал, показав мне на новые здания Гори: «Посмотрите, Володя, вся эта роскошь не соответствует значению этого городка...».

Я не помню, в каком году Е.М. перебрался из Батуми в Краснодар и точно не знаю, где скончалась его супруга Галина Михайловна – в Батуми или в Краснодаре. Но, так

или иначе, Е.М. возвратился в свой родной город и постарался забыть о субтропиках Грузии. Во всяком случае, когда я его навел в Краснодаре в 70-х годах, он за два дня, что я провел у него, ни разу не упомянул ни о Грузии, ни о своей Грузбиолоборатории.

Мне известно, однако, что и переехав в Краснодар, он продолжал помогать Нине Гарегиновне Агекян, оставшейся работать в Грузбиолоборатории.

Утешением ему служила внучка, которой он уделял много времени, и китайский язык.

В Краснодаре Е.М. приступил к работе на станции ВИЗР в Славянской, а затем перешел в Краснодарский филиал Всесоюзного института фитопатологии. Институт этот был секретный (закрытый), какие у нас часто называют «почтовым ящиком», или на жаргоне просто «ящиком». «Метрополия» этого Института находилась в поселке Большие Вяземы около станции Голицыно Московской области.

Из окружения молодых энтомологов у Е.М. установились очень хорошие отношения с бывшим аспирантом Зоологического института АН СССР Олегом Васильевичем Ковалевым, человеком эрудированным, работавшем тогда в Ленинграде, во Всесоюзном институте защиты растений (ВИЗР). Олег Васильевич был в совершенном восторге от Е.М. Он считал его выдающимся человеком, наряду с Любищевым и Расиньшем.

Мне остается еще рассказать о моей последней встрече с Евгением Михайловичем Степановым. Она была трогательной.

Я и моя жена были в командировке в поселке Лазаревское, на Черноморском побережье Краснодарского края, к северу от Сочи. Находились мы на Базе ВИЗР (Станция по биометоду ВИЗР). Директором станции был мой друг и отчасти ученик Владимир Иванович Пилипюк. Мы часто бывали на берегу реки Псуапсе, где располагался небольшой аэродром местного значения. Небольшие самолеты летали с этого аэродрома и в Краснодар, и я все время подумывал слетать туда и навестить Е.М. Но тут внезапно подвернулась другая возможность. В Краснодар из Лазаревского шла машина – газик, и Владимир Иванович предложил мне проехать на ней с сотрудниками Станции до Краснодара. Я сразу же согласился, решив, что назад возвращусь по воздуху.

Я доехал до Краснодара благополучно и разыскал по адресу дом, где жили Е.М. и Наташа с маленькой дочкой. Филиал Всесоюзного института фитопатологии и один или два жилых блочных дома для сотрудников оказались за городом, среди полей, недалеко от берега Кубани. Е.М. был на работе (он был уже на пенсии, но заходил в свое учреждение как консультант). На территорию филиала ВИФ, как закрытого учреждения, мне пройти было нельзя, и Е.М. вскоре по моей просьбе разыскали. Он совсем не изменился. Обрадовался он мне очень. Вещей у меня не было никаких, кроме полевой сумки с энтомологическим оборудованием и сачка. Е.М. извинился передо мной за то, что не может мне показать филиал ВИФ, но я, впрочем, туда и не стремился. Он пригласил меня на прогулку по берегу Кубани. Пройдя по пойме реки, мы насобирали насекомых, он – жуков, я – мелких наездников. О Грузии

он ни разу не вспомнил, а рассказывал о природе Кубани; пожаловался, в частности на то, что очень вредит хлебная жужелица. Вечером Е.М. начал с гордостью показывать свои (т. е. нарисованные им самим на больших листах бумаги) китайские тексты, которыми была обвешана вся его комната. Он сказал мне, что некоторые из этих текстов – дацзыбао.

На следующее утро Е.М. проводил меня в город, до кассы Аэрофлота, где я купил билет до Лазаревского и сел в автобус, отправлявшийся в аэропорт. Расстались мы тепло, но как-то грустно. Мне теперь кажется, что мы оба чувствовали, что видимся в последний раз в жизни. В первый и последний раз мы поцеловались на прощанье. Так и сбылось, больше я Е.М. не видел и жду встречи там. Эта встреча недалеко...

Я не знаю когда и при каких обстоятельствах Е.М. получил первый свой инфаркт и когда скончался от второго. Я всегда со страхом ждал смерти этого человека, одного из самых дорогих мне людей.

Валентина Адамовна Яснош (Тбилиси, Грузинский институт защиты растений) и я написали краткий некролог Е.М. Степанова для журнала *Защита Растений*. Его опубликовали в этом журнале, но анонимно. Фотографию Е.М. при некрологе напечатали, но текст некролога, к сожалению, сильно сократили и выбросили оттуда всю информацию о том, что он занимался систематикой щелкунов и печатал таксономические работы.

Вот и все, что я знаю о жизни Евгения Михайловича Степанова. Я думаю, что он был, по-своему очень счастливым человеком. Он любил природу – и почти всю жизнь прожил на лоне природы, а не в «коробочках», как он иронически называл дома Ленинграда и Москвы; он любил цветы – и жил в Сухуми и Батуми среди роз, магнолий, камелий, ипомей (особенно любил он голубую ипомею); он хотел стать натуралистом – и стал им, великолепно знавшим растения, насекомых, других животных и даже лишайники; он хотел быть независимым – и все же был им: у себя в лаборатории он был хозяин; ему нравилось передавать свои знания другим – он имел много учеников; он хотел что-то сделать для биометода – и сделал многое. Всю жизнь мечтал побывать в Азии – и побывал в Японии. Захотел в 60 лет выучить китайские иероглифы – и одолел «китайскую грамоту».

Даже почил он там же, где родился, что не каждому дано.

И, тем не менее, некоторые люди считали его неудачником. Например, мой коллега из Зоологического института Владимир Иванович Тобиас, увидев Е.М. в 1957 г., сказал мне: «Это – неудачник!» Что понимал Тобиас под удачей и почему он счел Е.М. неудачником? Не знаю. Может быть, потому что Е.М. не имел официальных ученых степеней кандидата или доктора наук? Но как много счастливых людей, не имеющих ученых степеней. И, в то же время, самолюбие Е.М. было чем-то ущемлено, это интуитивно чувствовали многие люди. Постараемся разобраться в этом.

Е.М. очень любил стихи великого персидского поэта Омара Хаяма и многие его стихи знал наизусть; он очень часто цитировал их. И мне кажется, что несколько скептическая философия, так гениально выраженная в стихах Хаяма, глубоко импонировала душевному складу Е.М. Я думаю, что вместе со многими удачами, которых достиг Е.М., у него в душе тлело несколько очагов разочарования. Попытаюсь сделать догадки об этих очагах.

1. Я предполагаю, что Е.М. болезненно переживал ту обстановку в стране, в которой прожил жизнь он сам и его сверстники. Он был очень умный и проницательный человек, но даже поделиться своими думами в то время было не всегда можно, это было опасно.

2. Е.М., несомненно, раздражал строй жизни в Грузии: лень, беззакония, национализм, повышенное самомнение грузин; хотя одновременно он Грузию и грузин любил, и любил искренно. Он восхищался многими чертами характера и жизни грузин, в особенности такими, которых не было, или же они слабо проявлялись у русских. Он ценил в грузинах любовь к их Родине, чувство собственного достоинства, непосредственность, гостеприимство, известную широту души. Даже некоторые обычаи грузин ему нравились. Например, однажды в Батуми мы видим – идет по улице грузин и весело поет. Е.М. сказал мне с восхищением: «Вот молодец – хочется ему петь и поет! И никто ему это в упрек не ставит. А в России люди *так* не поют...». Грузинскую кухню Е.М. очень любил, также как и грузинские вина.

3. Большим местом Е.М. было то обстоятельство, что, написав определитель щелкунов фауны СССР, он не сумел довести его до печати. Конечно, после войны у него, человека пожилого, уже не было сил сидеть с определителем по вечерам, но в зимние месяцы можно было бы делать это на работе. Но у Е.М. зимой хватало сил только на то, чтобы написать объемистый отчет Грузбиолоборатории. Никто из его сотрудников этого делать не мог, а Е.М. все же был очень истощен и в нетопленном помещении сильно мерз.

Борис Иванович Рукавишников был склонен объяснять отсутствие у Е.М. публикаций типичной русской ленью, усилившейся под влиянием лени кавказской. Я бы это ленью не назвал, а назвал бы скорее последствием оторванности от такого научного центра как Ленинград, где люди науки неизбежно соревнуются друг с другом в числе публикаций и где по публикациям (в академических учреждениях и, в определенной мере, в высших учебных заведениях) судят об эффективности работника. От Е.М. этого, однако, не требовали, задачи лаборатории были другие.

Мы много говорили с ним о сборнике трудов Грузбиолоборатории, я уговаривал Е.М. собрать такой сборник и вызвался отредактировать его: данных, причем интереснейших, было для этого предостаточно. Но необходимых для книги материалов он так и не собрал.

Обсуждая эту особенность характера Е.М. с моей женой, мы пришли к мнению, что здесь имел место еще один фактор, а именно: самолюбие Е.М. как автора. Стиль изложения Е.М. был очень хорошим, даже блестящим, но

он был похож на дореволюционный, то есть был несколько архаичен или мог казаться таковым современным редакторам или редакторшам. А Е.М. был слишком раним, чтобы позволить молодым редакторам черкать и править его стиль, поэтому ему и тяжело было сдавать куда-либо свои рукописи.

Я помню его отзыв о моей дипломной работе: «Пока Вы пишете еще своим языком, а поработаете лет десять в Академии наук, начнут Вас *редактировать*, и в результате будете писать *как все*, вяло, бесцветно и стандартно».

Он был во многом прав. Ведь не зря любимая поговорка профессора Олега Леонидовича Крыжановского звучала так: «Хорошо отредактированная рукопись похожа на телеграфный столб».

4. Чувство горечи за состояние науки возникало у Е.М. и тогда, когда люди, по его мнению, брались не за свое дело (как, например, профессор И.А. Рубцов за биометод) и допускали в своих книгах ошибки.

5. И, наконец, многие годы не оставляла Е.М. острая обида на руководство Зоологического института, не взявшее его на работу. Но если бы он был в ЗИНе, то, хотя и несомненно, сделал бы больше для систематики щелкунов, на порядок меньше сделал бы для биометода.

Принято было считать, что Е.М. много иронизировал, много брюзжал и всех ругал, в особенности людей, наделенных учеными степенями. Однако, это не так. Я неотступно ходил за Е.М. два лета – 1951 и 1953 года. Он рассказывал и рассуждал, а я слушал и слушал. И я могу торжественно засвидетельствовать: о значительно большем числе ученых людей он говорил хорошо, чем

плохо. Он преклонялся перед Н.И. Вавиловым, Й.Г. Кёльрейтером, Э. Рейтером, Н.Я. Кузнецовым, Г.Г. Якобсоном, А.К. Мордвилко, А.П. Семеновым-Тянь-Шанским, П.М. Жуковским, Алексеем Николаевичем Кириченко, Александром Николаевичем Кириченко, профессором АН. Красновым, И.Н. Клингеном, С.Г. Гинкулом, Н.Ф. Мейером, Ю.А. Филипченко. Он любил К.В. Арнольди, Л.В. Арнольди, А.А. Рихтера, Ф.К. Лукьяновича, Л.С. Зимина. Очень уважал Е.Н. Павловского, И.В. Кожанчикова, А.А. Штакельберга, Б.И. Рукавишникова, О.Л. Крыжановского, А.С. Мончадского, Б.Н. Шванвича. С великим уважением относился к путешественникам Свену Гедину Пржевальскому, Роборовскому Козлову, Арсеньеву Черскому (как-то я, не зная ничего о Черском, сказал «какой-то Черский?» – и получил выговор, а затем разъяснение, кто такой Черский).

Евгений Михайлович откровенно не любил И.А. Рубцова, В.В. Попова и Н.С. Борхсениуса. Больше я не помню, о ком он говорил без приязни.

Некоторая доля скепсиса была у него по отношению к СМ. Яблокову-Хнзоряну (но это был скорее юмор). Марию Николаевну Никольскую он очень уважал. Н.А. Теленгу Е.М. любил очень, но посмеивался над его увлечением трихограммой. Любил он также В.И. Талицкого, Е.С. Миляновского, Загайного и А.Т. Сысоева. Валентину Адамовну Яснош он внешне обожал, но внутренне в отношении к ней был сдержан, а вот Зоей Константиновной Хаджибейли восхищался, говоря, что она своими близорукими глазами находит много таких кокцид, каких другие не в состоянии найти. Из молодежи

он очень хорошо относился ко мне, к Е.С. Сугоняеву Е.М.
Данциг, Д. Жаркову, О.В. Ковалеву, Р.А. Васильеву, Н.Г.
Агекян. Но... всего не вспомнишь.

О месторасположении и устройстве Грузбиолоборатории

Грузбиолоборатория существует и сейчас. В последний раз я посетил ее с делегацией израильских энтомологов в 1990 г. Современная (в начале 90-х годов) Лаборатория совсем не та, поэтому я хотел бы рассказать здесь, какой она была, когда ею руководил ее основатель Е.М. Степанов.

Участок Грузбиолоборатории площадью около одного гектара (точнее 0,8 га) располагался в развилке двух асфальтированных шоссе; одно из них, на которое выходили ворота Грузбиолоборатории, шло на Гонию и Кеда, другое – в Батумский аэропорт. Оба шоссе действуют и сейчас – и движение по ним очень интенсивное. В Кахабери чувствовалось, что граница недалеко. Если выйдешь на луг за Лабораторию, то вдали видны турецкие горы.

По шоссе часто шли по направлению к границе и от нее колонны военных автомашин и даже танки. К участку Лаборатории примыкала милиция, а за ней – погранзастава, около ворот стоял часовой. И милиция, и пограничники были по отношению к сотрудникам весьма доброжелательны, рассматривая их как хороших соседей. Е.М. пользовался уважением и у милиции и у пограничников как хороший хозяин своего учреждения и великолепно засаженным плодовыми и декоративными деревьями участком. За три сезона моей работы в Грузбиолоборатории (1951, 1953 и 1958 гг.) не было ни одной попытки забраться на участок Грузбиолоборатории

и сорвать цветок, плод хурмы или алычу. Не появлялись на территории лаборатории и дети. До моря от Лаборатории было около двух километров.

Участок Лаборатории был окружен деревьями, переплетенными ежевикой. Это была как бы зеленая стена, защищавшая его как от пыли, так и от посторонних глаз, а снаружи, вдоль шоссе был еще бордюр из страшно колючей трифолиаты. От милиции нас отделял только простой дощатый забор. Вдоль внутренней стороны зеленой стены, ограждавшей территорию, имелась довольно узкая полоса непаханой земли, заросшей травой. В центре участка росло четыре высоких пекана *Carya pecan* (североамериканское дерево из семейства ореховых *Juglandaceae*. Вкус орехов, как у грецкого, но орехи удлиненные, с тонкой кожурой), под ними тоже росла трава. Остальная территория была засажена самыми разнообразными растениями. Чего только там не было! Это был маленький ботанический сад, остров разнообразной жизни среди асфальта, стравленного луга, цитрусовых садов, питомников и полей кукурузы. И там обитала богатая фауна насекомых. Много лет спустя, когда журнал «Экология» прислал мне на рецензию статью профессора Валентина Федосеевича Палия, в которой он предлагал организацию в нашей стране микрозаповедников для сохранения очагов видового разнообразия растений и животных (вероятно, сам термин «микрозаповедник» принадлежит Палию), я написал на эту статью весьма положительный отзыв, добавив при этом, что уже имел опыт работы в таком микрозаповеднике, а именно – на небольшой охраняемой

территории Грузбиолаборатории, зажатой между двумя асфальтированными шоссе. В своем отзыве я отметил, что на этом небольшом участке сохранились даже редкие виды насекомых.

Дом, в котором размещалась Лаборатория, был небольшой, одноэтажный. Перед крыльцом имелась небольшая лужайка, на которой росла пальма. Чтобы войти в помещение, надо было подняться по нескольким зацементированным ступенькам. Из маленького тамбура налево, направо и прямо вели три двери. Налево – в маленькую комнатку, которую выделяли для проживания гостям Лаборатории. Здесь обычно я и обитал.

Две стены в комнатке, наружная и обращенная к забору милиции, занимали огромные, почти до самого потолка окна верандного выпуклого типа. У окна, смотрящего наружу, к шоссе, стоял грубо сколоченный деревянный топчан. На топчане был матрац, набитый сеном или соломой, и такая же подушка, а также старое байковое одеяло. Постельного белья у меня не было, и я спал прямо на матраце. Когда вскоре матрац сваялся, то есть сено сбилось в сторону, я стал спать практически на голых досках, которые отпечатывались у меня на теле, так как щели между этими досками были большими. Однажды я проснулся ночью от ощущения какой-то странной тяжести на груди, открыл глаза и вижу: комната залита лунным светом, а на груди у меня сидит большая крыса и умывается. Я неприлично выругался. Крыса испугалась и убежала.

Дверь из тамбура направо вела в комнату сторожихи-уборщицы Гали. Она была побольше, чем моя комната.

Из тамбура посетитель попадал и в довольно большую, но не очень светлую комнату, так как ее окно выходило на забор милиции. В этой комнате у окна находился большой стол для разборки материалов (веток деревьев, насекомых) и для работы с микроскопом и биноклем. Микроскоп у Е.М. был хороший иностранный, а бинокль – советский, довоенного производства. Сейчас этот тип бинокля уже редко кто помнит, а ведь всем известный наш МБС-1 появился только в 1952 г. И работали люди с несовершенной оптикой, и работали хорошо.

Справа у стены стояло много фотоэлекторов для выведения паразитов насекомых. Это были деревянные ящики, с отверстием в одном из боков, в которые вставлялась пробирка. Паразиты ползли в пробирку на свет. Сотрудники лаборатории регулярно выезжали на сбор вредителей и закладывали зараженные ими, в особенности кокцидами, ветки и другие части растений в фотоэлекторы; выходящих паразитов ежедневно извлекали и регистрировали в особом журнале.

Из этой комнаты дверь справа вела в кабинет Е.М. Окно кабинета выходило в сад. Кабинет был небольшим, но очень уютным. Слева у стены находился шкаф с очень интересными книгами по энтомологии, защите растений и биометоду. Посередине кабинета стоял стол, а справа – удобный мягкий диван, на котором Е.М. любил посидеть и покурить.

В своем рабочем кабинете – за разбором коллекций

Прямо из комнаты с фотоэлектрами мы попадали еще в одну такую же по размерам комнату. Там, также у окна, находился большой стол для лабораторных работ, справа – будка для фотографических работ. Дверь в правой стене этой комнаты вела в комнату Алексея Андреевича Карницкого. Она была завалена всевозможными инструментами.

Из второй лабораторной комнаты был вход в оранжерею, где было три больших стеллажа с всевозможными экзотическими растениями в горшках и ящиках. Два стеллажа располагались по бокам оранжереи и один широкий – посередине, в конце его стояла большая кадка с канарской финиковой пальмой (*Phoenix canariensis*), зараженной пальмовой щитовкой *Diaspis boisduvalii*. Перед выходом из оранжереи еще имелось достаточно свободного места, где в 1951 г. поставили садок для заражения японского опалового хруща мухой *Centeter ussuriensis*.

Вот в каком скромном «здании» располагалась тогда Грузбиолaborатория. И под руководством талантливого руководителя в этой небольшой лаборатории были проведены интереснейшие работы. В лаборатории была неплохая по тем временам оптика, все необходимые химикаты для препаратов, спирт, цианистый калий для морилок, фотоаппараты и все необходимое для обработки фотоматериалов, грузовая автомашина с шофером, хорошая библиотека, оранжерея с богатым набором растений, вредителей на них и культурами энтомофагов, сад с самыми разнообразными культурами и вредителями.

Бухгалтера в Грузбиолaborатории не было – Е.М. со всем справлялся сам.

На работу все являлись без опоздания. Как правило, в 8 утра машина-трехтонка ГАЗ-АА с сотрудниками подъезжала к воротам. Я уже ждал их и открывал ворота. А.А. Карницкий жил в Кахабери. В кабине сидел Е.М., а в кузове на скамейке Женя Конопля, Оля Горделадзе и Ира Барановская.

В 5 часов вечера рабочий день кончался и машина увозила всех обратно в Батуми.

Е.М. давал негромким голосом указания, что кому делать. Эти указания выполнялись беспрекословно. Дав распоряжения сотрудникам, Е.М. обычно проходил к себе в кабинет, где у него на столе всегда стоял чудесный букет роз или георгин, не торопясь выкуривал папиросу и затем шел поработать в сад: прополоть тяпкой розы, обрезать растения.

У выхода из оранжереи росло большое развесистое дерево инжира *Ficus carica* (смоковница, фиговое дерево).

Под инжиром стоял деревянный стол и скамейки. За этим столом в обеденный перерыв, время которого соблюдалось очень точно, сотрудники, приносившие что-то из дома, «обедали», то есть съедали скромные бутерброды, обычно с аджарским сыром. Здесь же Е.М. после разговора в кабинете принимал гостей, причем в этих случаях Женя и Оля иногда приготавливали кофе. Чай пили редко, в Грузии это в те времена не было принято.

Около наружной стены здания стояла большая железная бочка с водой (на случай пожара, как требовали правила), а около нее на стене, на специальном деревянном щите висели багры и другие орудия, применяемые при тушении пожаров.

Почему я пишу о таком, казалось бы, малозначащем предмете, как бочка с водой? Да потому что в этой бочке всегда было много личинок комаров. Е.М. однажды подвел меня к бочке, показал мне личинок комаров, рассказал об их строении, способе питания и дыхания. Когда личинок комаров в бочке стало очень много, он сказал: «Я применю против них биологический метод – выпущу гамбузию!» Не знаю, где он взял с десятков этих хищных рыбок. Когда все личинки комаров были уничтожены, рыбки начали пожирать друг друга. В конце концов, в бочке осталась самая удачливая, более крупная, чем другие, рыбка (остальные, может быть, так и не доросли до ее размеров). Но, вообще, гамбузия очень мелкая рыбка.

До этого я слышал о гамбузии одно только хорошее. Очень хвалил ее в своих лекциях по биометоду Борис

Иванович Рукавишников. Только хорошее написал о ней Иван Антонович Рубцов в своей известной книге о биометодe (1948 г.) Я еще в школьные годы читал, что до Революции малярия буквально косила людей в Колхиде, что болели грузины целыми селениями и очень многие гибли. В Тимирязевской академии, Борис Иванович говорил нам, что в ликвидации малярии в СССР большую роль сыграли химические обработки водоемов ядохимикатами и другими веществами, препятствующими доступу личинок к атмосферному воздуху, а также интродукция гамбузии. Эта рыбка, насколько я помню, американского происхождения.

Однако Е.М. был другого мнения о достоинствах гамбузии. «Нехорошая рыбка, – сказал он мне, – личинок комаров она ест, но также икру и мальков других рыб уничтожает, так что возможно она принесла здесь больше вреда, чем пользы».

Я нигде в солидных исследованиях о вредной роли гамбузии не читал.

Большую монографию о гамбузии написал профессор Георгий Устинович Линдберг, видный ихтиолог, сотрудник Зоологического института в Ленинграде. Как-то, в 60-х годах он пригласил меня в свой кабинет и показал объемистую, богато иллюстрированную рукопись (отпечатанную на машинке и вполне подготовленную к печати) и горько жаловался, что дирекция Института отказывается эту книгу опубликовать.

Георгия Устиновича уже давно нет на этом свете, и о рукописи никто не вспоминает. Никто из ихтиологов не

мог мне дать вразумительного ответа на вопрос, почему эту книгу не опубликовали.

На огороде за деревом инжира выращивали различные овощи. Е.М. жаловался на вред, причиняемой медведкой. За огородом лежала большая аккуратная куча компоста. Однажды он разгрёб эту кучу, и под ней оказалось множество змей.

Далее к огороду примыкала зона цветоводства. Несколько грядок эшшольции, а затем – голубая ипомея, которой Е.М. очень гордился. За ипомеей следовал розарий. По числу сортов и по качеству цветов он был едва ли не одним из лучших в Батуми. Особенно гордился Е.М. редким в то время сортом *Gloria Dei* (*Слава Божеству*). Затем следовали гладиолусы, среди которых был знаменитый чёрный гладиолус. Я помню, что для встречи правительственных делегаций из ЦК Партии и Совета министров Аджарии посылали гонцов к Е.М. за цветами, так высоко их ценили.

В центре участка росли в ряд четыре больших дерева пекана. Е.М. широко пропагандировал эту ценную орехоплодную культуру, но как-то она в Аджарии в широких масштабах не привилась.

С этими деревьями у меня связано очень сильное энтомологическое впечатление, которое в наше время не каждому дано пережить. У основания стволов этих деревьев Е.М. показал мне очень крупные тёмные коконы, а над ними на стволе огромную бабочку *Saturnia pyri* (большой ночной павлиний глаз). Восторгу моему не было предела – я читал об этой бабочке у Фабра, но сам даже не мечтал её увидеть. Из одного кокона вывелись

довольно крупные птеромалиды, так и оставшиеся неопределенными. Я посадил, повторяя опыт Фабра, одну самку сатурнии в садок, и в теплый тихий вечер откуда-то прилетело несколько самцов. Они летели, как птицы. Казалось, что летят какие-то доисторические существа.

Подобное мне посчастливилось пережить еще только во Вьетнаме, в джунглях, во время лёта на свет огромных тропических бабочек (это было в 1986 г.).

За пеканами находился небольшой плодовый сад. Там росла японская хурма, японская мушмула, гранат, мандарины, виноград изабелла (американский вид *Vitis labrusca*), инжир. Всего, что было на участке Грузбиолаборатории, не перечислишь. Были там и совершенно экзотические растения. Е.М. показал мне удивительно нелепое по внешности завозное растение, которое затрудняюсь описать. Он сказал, что латинское название этого растения *Amorphophallos conjas* (переводится на русский – «бесформенный фаллус коньяк»). Название растения вполне соответствовало его внешности. Даже сам Е.М. не знал, к какому семейству оно относится [к ароидным *Araceae*].

Вернусь к описанию своего пребывания в Грузбиолаборатории. Впервые я провел здесь 5 месяцев (май-сентябрь) в 1951 г. на преддипломной практике.

В день моего прибытия в Кахабери я познакомился с сотрудниками и устроился на новом месте. Е.М. с удивлением посмотрел на мой баян. Было видно, что инструмент привел его в недоумение. Через некоторое время он сказал мне, что понял бы, если бы я учился играть на фортепиано или на скрипке. Но баян?! Это что-

то похожее на гармошку... Но я был другого мнения. Зато на баян одобрительно посмотрела моя соседка уборщица-сторожиха Галя. Вечером я узнал, что у Гали имеется молодой муж Вася, на 20 лет моложе ее. Он служил в Батуми в погранвойсках (солдатом) и, демобилизовавшись, решил не возвращаться в свой родной колхоз на Полтавщине, а женился на Гале и поселился у нее. Это был добродушный молодой человек двадцати двух лет, то есть моего возраста. Мне было странно видеть его женатым на сорокалетней женщине, но у них была любовь... Кое в чем он помогал и в Грузбиолоборатории и на участке.

Галин сын от первого брака Виктор был малоразвитым мальчиком лет четырнадцати. Он ходил всегда босиком. Впрочем, по территории часто ходил босиком и я. Мы с Галей и Васей подружились.

Весь коллектив Лаборатории принял меня очень сердечно, кроме худощавого аджарца-шофера, который был индифферентен ко всем, так как был занят собственными делами, то есть старался где возможно заработать лишний рубль. Жил он на окраине Батуми, в сторону Ахалшени (район этот в те годы был очень неприглядным).

На следующий день Е.М. провел меня по Лаборатории и по участку. Особое внимание он уделил оранжерее, назвал растущие там растения.

Е.М. Степанов с сотрудниками Грузбиолоборатории: слева – В.А. Тряпицын, справа – Ляо Дин-си – практикант ЗИН АН СССР, будущий директор Института энтомологии АН Китая

Мне были показаны кактусы-опунции, маранты, бегонии (особенно любил Е.М. *Begonia imperialis*), фуксии (он сказал мне, что это любимое растение алхимиков).

После этого Е.М. пригласил меня к себе в кабинет и с некоторым раздражением спросил: «А где Ваше направление на практику в мою лабораторию?» «Какое направление?» – удивился я. «Официальное письмо, в котором должно быть указано, что Вы, такой-то и такой-то, студент такого-то курса направлены на практику в Грузбиолобораторию. И это письмо должно быть адресовано Вашей Академией мне, как директору Лаборатории!» «Я не знал, что такое письма необходимо и никогда о нем не слышал», – смущенно ответил я. «Да Вы

как с Луны свалились! Так знайте же, что по закону я имею право Вас не принять. Неужели Вам никто и никогда этого не говорил?» «Никто и никогда», – сокрушенно ответил я. Тут Е.М. немного смягчился. Он понял, что имеет дело с совершенно «зеленым» человеком. «Хорошо, – сказал он мне. – Я Вас на практику возьму, но учтите, что если Вы и в будущем будете пренебрегать положенными правилами, у Вас будет в жизни много неприятностей!» Я был очень огорчен: «Извините меня, пожалуйста, Е.М., – сказал я, – я не имел никакого понятия об этих правилах, меня этому нигде не учили: ни в школе, ни в Академии». «Да, видно, что Вас не учили!» – завершил этот разговор Е.М.

Конечно, он был прав. Наверное, его реакция на мое появление в Кахабери без направления на практику объяснялось не только общим порядком, но и приграничным расположением Грузбиолаборатории.

Я обратился к Е.М. с просьбой дать мне тему дипломной работы и быть моим руководителем. Он дал на это свое согласие, сказав, что относительно темы подумает.

Тут появился Алексей Андреевич Карницкий, главный агроном и хозяйственник Грузбиолаборатории, и попросил Е.М. отпустить меня, так как ему нужна помощь – вырезать из дерева ручки для препаровальных игл. Мы расположились за столом под инжиром: Алексей Андреевич, Вася (муж Гали) и я. Все трое начали острыми ножами вырезать из твердого дерева эти ручки. У Васи дело шло довольно сносно, но не блестяще. У Алексея Андреевича ручка получилась симметричной, гладкой, красивой. У меня не получалось ничего. Я не мог добиться

даже элементарной симметрии и гладкой поверхности. Алексей Андреевич посмотрел на мое «изделие» с презрением и сказал: «Не годится! Руки у тебя не так поставлены. Я вижу, что ты – интеллигент!» Надо сказать, что у меня никогда не получались ручные поделки. Алексей Андреевич это сразу понял и больше никогда не поручал мне что-либо делать руками.

«Вы умеете обращаться с фотоаппаратом?» – вскоре после этой неудачи спросил меня Е.М. «Я уже давно занимаюсь фотографией», – ответил я. «Вот и хорошо, отдаю в Ваше распоряжение всю фотолабораторию. Будете фотографировать, проявлять пленки и печатать фотоснимки».

После этого Е.М. научил меня фотографировать насекомых вблизи с кольцами, вставляемыми между объективом и корпусом фотоаппарата. Я сделал пробные фотоснимки, проявил пленку и отпечатал фотоснимки. (Увеличителем научил меня пользоваться еще мой отец). Е.М. внимательно проверил мою работу и остался ею доволен. Так я стал фотографом Грузбиолоборатории. Мне пришлось фотографировать и насекомых, и растения, и людей, и я делал это с удовольствием, так как очень любил фотографию и даже интересовался ее теоретическими аспектами.

[В 1990 г. при посещении новой уже Грузбиолоборатории приятно было увидеть на стенде некоторые мои фотоснимки, сделанные за 40 лет до этого, причем ни директор, ни сотрудники лаборатории не знали, что снимки эти мои.]

Вскоре Е.М. перечислил мне мои обязанности.

1. Я должен выполнять любые его поручения и просьбы, помогать ему во всем, принимать участие во всех работах лаборатории.

2. На первых порах мне поручается расселение по субтропической зоне Аджарии божьей коровки родолии для биологического подавления австралийского желобчатого червеца.

3. В качестве дипломной работы мне было предложено изучение божьей коровки линдоруса *Lindorus lophanthae* – хищника щитовок (прежде всего пальмовой щитовки *Diaspis boisduvalii*).

Я, конечно, был счастлив делать все, что угодно, лишь бы заниматься биологическим методом борьбы с вредителями.

Чем я питался летом 1951 г? Не знаю. Помню только, что после 5 часов у меня уже не было ни времени, ни сил отправляться за четыре километра в город за продуктами. А для того, чтобы покупать что-то на местном базаре, у меня не было денег. В Батуми в магазинах были хлеб, сахар и какая-то крупа (рис и еще что-то). Стояли банки с инжирным, айвовым и из лепестков роз вареньем. Продавалось очень много хороших сухих грузинских вин. Но вина я не пил. В ларьках разливали по кружкам пиво, но я и пива не пил (честное слово, не пил в то время совсем!). В Кахабери ни одного магазина не было, поэтому мне иногда приходилось ходить в город за хлебом, и это в батумской духоте – 6-8 километров туда и обратно.

Так и просидел я почти пять месяцев на хлебе и воде, по существу ничего не готовил. Однажды уборщица Галя

сделала мне замечание, что я очень плохо питаюсь. Тогда я купил риса и сварил много рисовой каши без молока и масла. [Молока в Батуми практически не было, скот в низменной Аджарии очень плохой, мелкий, какой-то жалкий, и, наверное, большая часть молока шла на изготовление аджарского сыра, обычной пищи в тех краях]. Кашу я сварил во дворе на костре, ел ее в течение трех дней, а затем долго отчищал кастрюлю песком от сажи. Но, как это ни странно, я не помню, чтобы я был голоден.

Живя по-настоящему впроголодь, я не чувствовал голода. Вероятно, за время войны, да и в послевоенные годы мой организм настолько привык и приспособился довольствоваться минимумом пищи, что усвоение этого минимума было почти полным. Я был очень худ, но вынослив, хотя быстро уставал при подъеме в горы. А если меня кто-то чем-то угощал, например кусочком соленого аджарского сыра, то это была для меня такая большая калорийная надбавка к моему хлебному рациону, что я чувствовал себя окрепшим. В мае фруктов не было никаких. Иногда меня угощали парой листочков киндзы (зелень кориандра). На огороде была какая-то зелень, но я ее стеснялся рвать: моим отцом я приучен был с детства *не брать чужое*.

В конце мая Е.М. дал мне попробовать японской мушмулы и объяснил, что это *Eryobotrya japonica*, культура, интродуцированная из Японии. А на Кавказе имеется и местная «мушмула» – *Mespilus germanica*.

Я об этих плодовых растениях читал уже в книге академика П.М. Жуковского *Культурные растения и их*

сородичи. Е.М. относился к Жуковскому с большим почтением и говорил, что такую книгу и таким замечательным языком никто другой написать бы не мог. Особенно восхищала его глава о чае. Сам Е.М. был сторонник японского и китайского способов употребления чая, то есть без сахара, и любил приводить высказывания какого-то японца, что «русские делают из чая любопытный сироп».

Именно от Е.М. я впервые услышал о путешествиях П.М. Жуковского по Турции. Однажды он даже показал мне книгу Жуковского о Турции, она имелась в библиотеке Батумской карантинной инспекции. Е.М. одобрительно оценивал капитуляцию Жуковского на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., считая, что таким образом он спас Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) с его бесценными коллекциями от окончательного разгрома, учиненного Лысенко.

Когда начала созреть ежевика, для меня наступили лучшие времена. Ежевики было много, и я лакомился ею часто. Затем созрел инжир. За инжиром хурма. Мне объяснили разницу между хурмой и «корольком». Последний мне нравился больше. Мандаринов я как-то не помню. Часть из них Е.М. должен был куда-то сдать официально, частью поделиться с сотрудниками Батумской карантинной инспекции (и Лаборатории); оставшееся количество мог распределить между сотрудниками.

О моей работе по расселению родолии мне нечего особенно написать. Я прошел всю эту эпопею и лично развез родолию по многим очагам австралийского

желобчатого червеца на территории Аджарии. В оранжерее, на австралийской акации, любимом растении червеца, поддерживали культуру и хозяина и хищника. В этой оранжерее родолия пережила катастрофическое похолодание зимой 1949-1950 гг. Что касается австралийской акации, то Е.М. всегда подчеркивал предпочтительность ее родолией перед цитрусовыми. Тем не менее, жаловался мне, что в оранжерее червец заселял акацию сперва неохотно, что-то ему там не нравилось, но затем культура стала поддерживаться хорошо.

Первый выезд по расселению родолии (это небольшая темно-красная божья коровка с темным рисунком на переднеспинке и надкрыльях) мы совершили с Ирочкой Барановской вместе с Е.М. ГАЗ-АА прогрохотал по прибазарной части Батуми, мимо нефтеперегонного завода в Махинджаури – в цитрусовый сад на какой-то правительственной даче.

Нас встретил симпатичный грузин и показал деревья, стволы которых были сплошь белыми от червеца. Это было красивое зрелище, такого сейчас не увидишь! Е.М. объяснил грузину, что никакие химические обработки здесь не требуются, что они лишь принесут вред полезным насекомым, что сейчас мы выпустим жучка, и через две недели вредителя не будет. Грузин недоверчиво кивал головой, стараясь не выдать своих сомнений, уж очень все это было необычным. Я сфотографировал белый от ицери ствол дерева (сейчас именно эта фотография висит в холле Грузбиологической лаборатории, в ее новом здании), и мы выпустили жуков.

Грузин угостил нас вином: «Запомните, Володя, – сказал мне Е.М. – такого вина Вы никогда и нигде в жизни не попробуете!» «Правительственное» вино действительно оказалось великолепным!

Через пару недель мы с Е.М. и Ирочкой опять приехали в Махинджаури. Червец был съеден родолией. Я сфотографировал результат. Грузин был очень доволен, а мы счастливы.

Впоследствии мне пришлось развозить родолию или самому, или с Ирочкой. Вспышка размножения австралийского желобчатого червца была подавлена. И.А. Барановская написала об ицерии дипломную работу. Я сделал для этой работы хорошие большие фотографии.

Получив тему о линдорусе, я не знал, как к ней приступить. Методике научных энтомологических исследований нас в Тимирязевской академии не обучали. Из чтения книг Фабра я знал, что насекомых надо наблюдать; сидеть и наблюдать, тогда увидишь что-то интересное. А о том, что надо установить прожорливость линдоруса, число поколений, отношение его к температуре, свету, влажности, я не знал и, естественно, не представлял себе как это делать. Никакой литературы, касающейся этой проблемы, я не читал.

Е.М. показал мне в оранжерее финиковую пальму, заселенную пальмовой щитовкой, и я начал свои наблюдения: поставил раздвижную лестницу, уселся на верху ее, взял лупу и начал «работу». Божья коровка мелкая, мельче криптолемуса, но крупнее стеторуса. Личинки не слишком подвижные. Смотрел я на жука и

личинок, смотрел, но даже как личинки или жуки едят щитовок, не видел. Может быть, они были не голодные?

У Е.М. в кабинете была хорошая библиотека. Он разрешал мне пользоваться ею в вечернее время. Книги Клозена (Clausen) «Насекомые энтомофаги» (*Entomophagous insects*) там не было, но имелась книга Квейла (Quayle) о вредителях цитрусовых. Там я кое-что о линдорусе и прочитал. Но этого было недостаточно.

Через некоторое время Е.М. провел меня на Приморский бульвар и показал место моих наблюдений – большие пальмы, довольно сильно заселенные щитовкой. Были там жучки и личинки линдоруса, выпущенные Е.М. Однако, проводить там наблюдения оказалось очень неудобно: ко мне все время подходили хорошо одетые гуляющие грузины или их дети и вежливо спрашивали, что я делаю. Мне все время приходилось давать им объяснения. А если я резал листья пальм, то мною интересовалась милиция.

Так прошло около месяца. Поняв, на что я способен и на что не способен, Е.М. был во мне разочарован. Он видимо, наконец, решил, что мною надо позаниматься и размышлял, какой аспект придать моей работе. Е.М. вызвал меня и сказал, что лучше всего, если этот аспект будет биоценологический. Он взял лист бумаги, нарисовал пальму и около нее в кружке щитовку. Далее он нарисовал линдоруса, поедающего щитовку, а также двух других хищников щитовок: божьих коровок хилокорусов *Chilocorus bipustulatus* и *Ch. renipustulatus*. Показал мне этих жуков в коллекции Лаборатории и указал на различия между ними. О хилокорусах как хищниках

щитовок, сказал он, можно прочитать в книжке Н.А. Теленги о биологическом методе борьбы с вредителями (1948).

Далее он рассказал мне, что у хилокорусов имеются паразиты: гомалотилус (*Homalotylus flaminus*, ныне *Homalotylus eytelweinii*) и тетратстихус (*Tetrastichus coccinellae*), а у них – свой паразит – пахиневрон (*Pachyneuron coccogum*).

[Так я впервые в жизни услышал об энциртиде – гомалотилусе, не подозревая, что с конца 1952 г. систематика энциртид станет моей специальностью на всю жизнь]

Не забыл Е.М. также напомнить мне, что членов этого сообщества могут поедать пауки и хищные клещи.

После этой беседы дело у меня пошло веселее. Выявлять пищевые связи насекомых и паукообразных, живущих за счет пальмовой щитовки, оказалось и интересно, и выполнимо.

Однажды Е.М. решил выяснить мои и И.А. Барановской способности к изложению в письменном виде результатов наших наблюдений и наших мыслей, попросив нас к следующему утру написать по страничке. Мы с Ирой сделали это. Е.М. взял наши листочки и унес их домой для изучения. На следующий день он был очень взволнован и как-то радостно возбужден. Он отозвал меня, посадил на скамейку под инжиром и сказал, улыбаясь: «Я прочел то, что Вы написали. Поздравляю Вас. Вы будете крупным энтомологом. Вы умеете писать. Я еще не видел студентов, которые умели бы писать. Еще раз говорю Вам: Вы станете крупным энтомологом! А Ирочка... Ирочка будет

обыкновенным работником». Я был, как громом поражен, так как еще никогда ни от кого в жизни не слышал таких слов в свой адрес. Я очень был смущен и что-то пролепетал в ответ. «А кто Ваши родители?» – спросил меня Е.М. «Мой отец инженер, подполковник, а мама умерла во время войны». «Так, значит, Вы – полковничий сын. Как меняются времена! А ведь во время Гражданской войны офицерам погоны прибывали к плечам гвоздями...».

После этого случая отношение ко мне Е.М. резко изменилось. Он стал специально заниматься со мной. Я неотступно ходил за ним, внимая каждому его слову.

Несмотря на то, что дела с дипломной работой шли у меня лучше, работа эта меня не очень интересовала. Я не был создан для подобной деятельности.

А что же интересовало меня тогда? Мне было интересно научиться различать насекомых, знать как можно больше их видов, запоминать их латинские названия и положение в системе. Когда сотрудники уезжали домой, я, съев кусок хлеба и посидев немного на крыльце, побродив по саду и полежав в своей комнате, отправлялся в кабинет Е.М. и начинал рассматривать его книги. Особенно привлекала меня книга Квейла о вредителях цитрусовых. Е.М. постоянно ее изучал (эта книга была издана в США). Была там и другая интересная литература.

Е.М. сказал мне, что лучшая книга по энтомологии на русском языке – это книга Шарпа «Насекомые» в переводе и с комментариями профессора Николая Яковлевича Кузнецова. Перевод был сделан молодым Кузнецовым еще до 1910 г. Е.М. принес мне эту книгу, и я

внимательно читал ее в течение двух месяцев. Впечатление от нее было очень сильным.

После этого мне была дана для чтения книга Георгия Георгиевича Якобсона «Жуки России и Западной Европы». Это была настольная книга Е.М., хорошо знакомого с ее автором. Е.М. восхищала общая часть этой книги, где дан блестящий очерк морфологии жуков с указанием терминов и на латинском, и на нескольких европейских языках (немецком, английском, французском). Особенно любил он иллюстрации (цветные) к этой книге. Кроме того, Е.М. принес мне очень интересную брошюру Шевырева «Паразиты и сверхпаразиты из мира насекомых».

Увидев, что я серьезно занимаюсь энтомологией и довольно хорошо подготовлен по общей биологии, в сравнении с другими студентами, с которыми ему пришлось встречаться, Е.М. начал давать мне другую литературу, о которой я не имел никакого представления, да и не мог иметь, потому что никто другой мне такой бы литературы не дал (в частности, произведения академика Николая Ивановича Вавилова).

Как-то Е.М., рассказывая мне о Горной Аджарии, упомянул о перевале Годердзи (Годерзи), который расположен на Арсианском хребте за Хуло. Там имеется «лес» из окаменевших деревьев прошлых эпох, о котором, сказал он мне, написано даже у Реклю. «Вы, конечно, Володя, не знаете, кто он такой, он жил в прошлом веке». «Я читал некоторые книги Элизе Реклю», – ответил я. То, что я назвал имя этого знаменитого человека и что-то читал из его произведений, произвело на Е.М. очень большое впечатление. «Никогда

не видел студента, который хотя бы слышал о том, что был такой географ Элизе Реклю! Это удивительно! Сейчас никто ничего не знает!» [Конечно, Е.М. не встречался с лучшими студентами Ленинградского и Московского университетов из хороших семей, иначе бы он так не говорил].

Как-то произошел еще один похожий разговор.

Е.М. рассказывал мне о своем покойном друге, известном энтомологе Всеволоде Владимировиче Гуссаковском: «Он обработал материалы по осам экспедиции Свена Гедина. Наверное, сейчас молодежь этого имени даже не слышала». Я ответил: «Почему же? Я читал книгу о Свене Гедине». «Где Вы могли ее прочитать?» – спросил Е.М. «В Запорожье, до войны, я взял ее в школьной библиотеке», – сказал я. [Дело в том, что, вероятно, после войны книги о Свене Гедине из библиотек изъяли, так как он, будучи уже старым человеком, сотрудничал с фашистами]. И я вкратце рассказал Е.М. то, что знал о Свене Гедине. «Удивительно!» – отреагировал Е.М.

Однажды зашел у нас разговор о генетике. Я рассказал, что курс генетики с основами селекции читал у нас академик Нуждин (ярый лысенковец и приспособленец), а изучали мы генетику по учебнику Турбина (тоже хорошего «перевертыша»). Лысенко и лысенковцев Е.М. ненавидел. «А Вы знаете, что существует другая генетика?» «Да, – сказал я, – я держал в руках одну книгу «формальных» генетиков (так их тогда называли) – переводной учебник Синнота и Денна». «Где Вы могли его видеть? Он же запрещен!». «У моего отца, в 1934 году». (Это было в

Ленинграде). «Сколько же Вам было тогда лет?» «Шесть, – ответил я». «И Вы запомнили название книги?» «Да, – ответил я».

В результате этого разговора Е.М., по-моему понял, что имеет дело со способным человеком, и стал всерьез мною заниматься и мне покровительствовать.

«А о ком Вы еще слышали из настоящих генетиков?» «О Кольцове, Филипченко, Сахарове, Менделе, Моргане, Мёллере, Карпеченко, Добжанском, Вавилове, Жебраке, Рапопорте, Эфраимсоне». «И о Филипченко слышали? Да это же главный «ересиарх!» «Я пытался читать его книгу, да только ничего не понял», – признался я.

После этого Е.М. принес мне известный учебник генетики профессора Юрия Александровича Филипченко. Это очень хороший учебник, он написан как все, что вышло из-под пера этого знаменитого ученого. Но для меня эта книга была сложна. Сначала я, как будто бы все понимал и следил за мыслями автора, но вскоре запутался. С одной стороны, у меня не хватало общебиологической подготовки, и я был искалечен «мичуринской наукой», с другой стороны – я по типу своего интеллекта все же более «правополушарник», чем «левополушарник», то есть лучше воспринимаю образы, чем отвлеченные понятия. Наверное, большинство генетиков (не селекционеров!) левополушарники.

Начитан я был в общебиологической науке, может быть, лучше, чем большинство моих однокурсников по Тимирязевской академии, но среди выпускников Московского и Ленинградского университетов я знал и

лучше начитанных людей, например, таких как Н.Н. Воронцов, Н.Ф. Реймерс, В.В. Хлебович.

Читая книгу Ю.А. Филипченко, я каждый раз, встретив слово аллель, пугался и спотыкался. Я и сейчас с этим словом не в ладах. Вероятно, к генетике, как и ко всему на свете, надо привыкнуть. А вот другую книгу Филипченко я читаю всегда с большим удовольствием. Это «Очерк истории эволюционного учения», переизданный в середине 80-х гг.

Учебник генетики Филипченко я держал в своей комнате на тумбочке. Однажды, я уже не помню по какому случаю и в связи с чем, в мою комнату вошел симпатичный молодой грузин, работник райкома комсомола. С ним меня познакомил Е.М. Грузин был очень мил со мной, пока не увидел на тумбочке книгу с названием «Генетика». Впечатление было такое, как будто он увидел ядовитую змею. «Убери эту книгу! – грозно сказал он. – Иначе тебе будет плохо, если я сообщу об этом *куда следует!*»

О Петре Петровиче Семенове-Тян-Шанском я в студенческие годы что-то слышал как о первооткрывателе (для европейской науки, конечно) Тянь-Шаня. А о том, что у него был сын Андрей Петрович, большой энтомолог, я узнал только от Е.М. Он с гордостью показал мне два известных произведения Андрея Петровича с дарственными надписями. Это были его знаменитые «Пределы и зоогеографическое подразделение Палеарктической области для наземных сухопутных животных на основании географического распределения жесткокрылых насекомых» и «О таксономических

границах вида и его подразделений». Оба эти произведения я проработал тщательно и после этого получил от Е.М. «Линнеевский вид как система» академика Владимира Леонтьевича Комарова.

О всех этих трех важных теоретических трудах я был в состоянии что-то сказать профессору В.В. Попову, моему будущему руководителю, когда поступал осенью 1952 г. в аспирантуру Зоологического института Академии наук СССР, чем, несомненно, расположил его в свою пользу. И если бы не внимание и руководство Е.М., то я бы этого не знал, некому было бы меня на такое чтение натолкнуть.

Как-то Е.М. поведал мне об академике Николае Ивановиче Вавилове. Его имя было тогда под запретом, а все его книги и статьи изъяты из библиотек. Даже фамилию его вычеркивали из статей других авторов и из справочников; не было его и во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии (правда, оно значилось в справочнике членов Академии наук СССР, то есть академиков и членов-корреспондентов, даже с годом смерти). Е.М. дал мне для изучения знаменитое произведение Н.И.Вавилова о законе гомологических рядов.

Таким образом, Е.М. был не только натуралистом, систематиком и специалистом по биологическому методу борьбы с сельскохозяйственными вредителями; он глубоко интересовался теоретической биологией. Свет от его интересов упал и на меня, студента Тимирязевской академии.

Вместе с интересом к общей биологии во мне разгорался интерес к познанию насекомых. На практику я

взял с собой, кроме баяна, «Определитель насекомых Европейской части СССР», изданный в 1948 г.

Помню, как однажды вечером, когда в саду все цвело, и из ручья раздавался оглушительный хор лягушек, я сел за стол Е.М., раскрыл упомянутый определитель (который до сих пор называют «Зеленым» из-за цвета его обложки) и решил попытаться определить с помощью лупы какое-нибудь насекомое. Начал я с обыкновенной комнатной мухи *Musca domestica*. Но у меня ничего не получилось. Для определения мух надо разбираться в их хетотаксии (т. е. в щетинках, расположенных на теле). Этих щетинок никто, кроме диптерологов (специалистов по мухам) не знает, поэтому никто, кроме диптерологов их определять не умеет, я и сейчас их определять не умею. Но в тот раз мне повезло: в окно лаборатории влетел и упал на стол мелкий-мелкий продолговатый жучок очень необычного вида. И, представьте себе, я его по *Зеленому* определителю определил, и определил правильно! Но я не был уверен в правильности моего определения и на следующее утро робко подошел к Е.М. и, запинаясь, сказал, что я определил до вида очень мелкую жужелицу как *Clivina fossor*. Е.М. с интересом посмотрел на меня, причем в его взгляде было много лукавства и, посмотрев на жучка через лупу, которая всегда у него висела на веревочке на шее [раньше это у настоящих энтомологов было принято], сказал: «Правильно, это *Clivina fossor*».

В дальнейшем я продолжал определять различных насекомых.

Приблизительно в середине лета мы отправились с Е.М. на экскурсию в одно экзотическое место. Тот день

определил мою узкую профессию на всю жизнь. Е.М. взял меня с собой в «Дом Отдыха для Пальм». Честное слово, я не шучу! В селе Кахабери, справа от шоссе, за правлением колхоза и клубом находился довольно обширный участок земли, засаженный пальмами. В основном это были веерные пальмы *Chamaerops* (теперь *Trachycarpus*) *excelsa*. Е.М. объяснил мне, что эти пальмы «устали» от жизни на паромходах, в ресторанах, вестибюлях гостиниц, там они без света и воздуха чахнут. Вот их и высаживают на этом участке на несколько лет для отдыха. Здесь они приходят в себя, восстанавливают здоровье и внешний вид и затем их опять отправляют «на работу», услаждать взоры людей в закрытых помещениях. Е.М. сказал при этом, что вот бы о людях была такая забота!

Ему надо было посмотреть, нет ли на этих пальмах щитовок *Diaspis boisduvalii* или других вредителей. [На пальмах в Аджарии встречались мягкая ложнощитовка *Coccus hesperidum*, ложномагнолиевая ложнощитовка *Coccus pseudomagnoliarum* и загадочная пальмовая ложнощитовка *Eucalymnatus tessellatus*, которой я ни разу в жизни не видел, как ни старался найти].

В «Доме Отдыха для Пальм» щитовки *D. boisduvalii* было немного, но я все же выпустил туда какое-то количество жуков линдоруса и остался наблюдать за их поведением, а Е.М. ушел в Лабораторию. Вдруг я увидел, как по листу пальмы бежит *странное существо*. Ничего подобного я никогда не видел. Оно было совсем крошечное, около 1,5 мм длиной, но очень красивое. И бежало оно не так, как обычно бегают насекомые. Оно все время быстро постукивало перед собой по листу пальмы коленчатыми

пестрыми усиками. А само было желто-красное, с пестрыми крылышками. Я попытался накрыть его пробиркой, *оно* прыгнуло и исчезло. В недоумении я внимательно осмотрел лист пальмы и через некоторое время обнаружил это насекомое. На этот раз я поймал его и принес в Грузбиолaborаторию. Под биноклем оно выглядело еще красивее: на каждом его усике было белое колечко (три белых членика жгутика). Е.М. внимательно рассмотрел Чудо Природы, которое я ему принес, и сказал, что это – энциртус.

Так я впервые в жизни увидел энциртида, причем живого энциртида. Впечатление, произведенное на меня этим «энциртусом», было настолько велико, что на современном языке науки я назвал бы его импринтингом. Вскоре я об «энциртиде» забыл, но он, видимо, удержался у меня прочно в памяти или подсознании. Когда, в конце 1952 г. моя руководительница Мария Николаевна Никольская предложила мне на выбор тему либо по энциртидам, либо по птеромалидам, я, не колеблясь, выбрал энциртид.

Конечно, были у меня и другие основания выбрать тему именно по энциртидам, но и «импринтинг», т. е. незабываемое первое сильное впечатление, сыграло в этом выборе немаловажную роль. И когда жена моего аспиранта Николая Ивановича Сахнова спросила меня, почему я выбрал для изучения на всю жизнь именно энциртид, я ответил: из-за любви к их красоте, от того яркого впечатления, которое произвел на меня первый увиденный мною живой энциртид.

Е.М. не мог назвать тогда вида этого энциртида, но по тогдашней номенклатуре, принятой в Европе, он определил род правильно: *Encyrtus*. Так значилось и в «Определителе насекомых Европейской части СССР» (1948 г.), где было всего лишь 17 (если я не ошибаюсь) родов энциртид (а на самом деле их было к этому времени известно в Европе более 100).

Знаменитая книга М.Н. Никольской «Хальциды фауны СССР (Chalcioleoidex)» вышла из печати только через год, в 1952 г. В этом определителе мой чудесный энциртид был! Он был назван *Encyrtus frontatus* Mercet. Этот вид был описан испанским энтомологом Рикардо Гарсия Мерсетом в 1921 г. из Испании. После 1952 г. европейские специалисты установили, что род, который М.Н. Никольская называла *Encyrtus*, следует именовать *Microterys*; то, что М.Н. Никольская называла *Microterys*, следует именовать *Syrphophagus*; и то, что М.Н. Никольская называла *Eucomys*, следует именовать *Encyrtus*. Вот такие сложности существовали с систематикой энциртид. Но теперь названия этих родов выяснены.

Но с видовым названием моего любимого энциртида все оказалось не так просто. В моей кандидатской диссертации в 1955 г. он фигурировал под названием *Microterus frontatus* (Mercet, 1921). Однако, впоследствии я выяснил, что этот вид – синоним *M. flavus* (Howard, 1881), описанного из США, а в самое последнее время – что и это название – синоним *M. nietneri* (Motschulsky, 1859), описанного с Цейлона. На Черноморское побережье Кавказа *Microterys nietneri* проник вместе со своим хозяином – мягкой ложнощитовой *Coccus hesperidum*.

Описан он был известным русским энтомологом Виктором Ивановичем Мочульским по экземплярам, присланным ему в середине XIX века цейлонским плантатором Нитнером. [В 2008 г., когда мне исполнилось 80 лет, в Мексике опубликовали мою книгу об этом виде, написанную совместно с мексиканскими коллегами].

Я не хотел бы, чтобы читающие мои воспоминания подумали, что, передавая свои разговоры с Е.М. об Элизе Реклю, Свене Гедине и т. д., я хотел похвалиться своей начитанностью в школьные и студенческие годы. Нет и нет! Я хотел этим подчеркнуть только то, как ранняя начитанность помогает раньше войти в науку и получить поддержку и поощрение, а также покровительство образованных людей.

Далее я хотел бы написать о других работах, которые я выполнял в Грузбиолаборатории в 1951 г. Главными из них были:

1) попытка акклиматизации в Аджарии паразитической мухи *Centeter ussuriensis* против японского опалового хруща *Maladem japonica*; 2) рассылка в некоторые страны калифорнийской щитовки *Diaspidiotus perniciosus*, зараженной внутренним паразитом *Prospaltella perniciosus*; 3) изучение насекомых, погибающих при фумигации цитрусовых деревьев парами синильной кислоты.

Когда я закончил работу по реакклиматизации в субтропической зоне Аджарии родолии, Е.М. поручил мне работу с тахиной *Centeter ussuriensis*. Перед этим он рассказал мне об аналогичной работе, проведенной американцами с тахиной *Centerer cinerea*. Еще в довоенные времена (я не могу точно указать годы, об этом

можно прочитать в монографии по биометоду Х. Суитмена) в США сильно вредил хрущ *Popillia japonica* (японский жук) из семейства пластинчатосых.

Как видно из латинского названия жука, он восточноазиатского происхождения. Американские энтомологи успешно интродуцировали против него муху тахину *Centerer cinerea*. Муха эта очень интересна своей биологией и повадками. Хрущ ведет ночной образ жизни, объедая листья многих растений, в том числе и культурных, а днем прячется в верхнем слое почвы. Личинка жука живет в почве, на корнях растений. Самка тахины откладывает (обычно) одно яйцо на переднеспинку взрослого жука. Вышедшая из яйца крошечная личинка мухи каким-то образом проделывает в твердом хитине переднеспинки хруща отверстие правильной формы и проникает внутрь его тела. Как проделывается это отверстие Е.М. не знал. Не мог ничего об этом в литературе найти и я (в 1951 г. я предполагал, что хитин жука растворяется выделениями личинки мухи).

Е.М. рассказал мне, что в субтропической зоне Аджарии появился жук *Maladem japonica*, попавший сюда из Восточной Азии. Он стал в некоторых местах обычным насекомым. Биология и образ жизни у него сходны с таковыми *Popillia japonica*. Особенно большой очаг японского опалового хруща, так называется по-русски жук *Maladera japonica*, обнаружен в Чакве, где хрущ вредит в питомниках. Е.М. боялся, что, не имея в Аджарии естественных врагов, жук станет опасным многоядным вредителем. Химический метод борьбы с этим жуком затруднителен.

Изучая литературу и на основе своего личного опыта во время экспедиции в Приморский край, Е.М. знал, что северная граница *Maladera japonica* проходит через Приморский край. Мне не известно, кто впервые обнаружил там этого жука, но это не единственный вид *Maladera* в Приморье, там их по меньшей мере три (кроме *M. japonica* мне известны только названия *M. orientalis* и *M. renardi*). И я не знаю, кто обнаружил в Приморском крае тахину *Centeter ussuriensis*. Описана она была как новый вид профессором Борисом Борисовичем Родендорфом. [Теперь род *Centeter* считается, по-видимому, синонимом рода *Hyperecteina*, но я в этом не уверен].

По просьбе Е.М. Центральная карантинная лаборатория (ЦКЛ) МСХ СССР дала указание Владивостокской карантинной инспекции и ее сети собирать в Приморском крае жуков рода *Maladera*, зараженных мухой *Centeter ussuriensis* (а то, что жук заражен, видно по яйцам мухи на его переднеспинке) и присылать в Батуми.

За дело взялась Н.Н. Шутова, очень энергичный и деловой человек, в то время заведующая Отделом энтомологии ЦКЛ. По ее поручению карантинные работники Приморского края начали собирать зараженных паразитом жуков, и в середине лета 1951 г. в Батуми начали прибывать большие посылки.

А.А. Карницкий соорудил в оранжерее садок со стеклянными стенками, с землей на дне и хризантемами. Вскрыв несколько жуков из присланной партии, мы с Е.М. убедились, что внутри них имеются личинки мухи (всегда одна в одном жуке). Далее мы отправились «большой экспедицией» в Чакву в очаг размножения японского

опалового хруща. Там, между железной дорогой и галечным пляжем имелся довольно широкий участок песчаной почвы, заросшей в основном полынью с примесью дурнишника. Устье реки Чаквис-Цкали находилось недалеко. В Чакву поехали Е.М., А.А. Карницкий, Ирина Барановская и я. На помощь взяли Виктора – сына уборщицы Гали.

Жуков в почве оказалось очень много, и мы быстро накопили их несколько сотен. Жук *Maladem japonica* коричневого, с характерным опалесцирующим блеском (отчего хрущ и называется опаловым). Он принадлежит к трибе *Sericini*, название которой указывает на шелковистость, т. е. на особый блеск. Мы без труда накопили несколько сотен жуков. Поместив их в садок, где они могли питаться листьями хризантемы, мы насыпали туда и мертвых жуков, зараженных мухой, которых получили с Дальнего Востока. Все наблюдения над поведением жуков и мух были поручены мне.

Когда в садке появились мухи, я начал ночные фотосъемки при ярком свете магниевой ленты (фотоаппаратов со вспышкой тогда в СССР, кажется, еще не было). Я сфотографировал спаривающихся мух и муху, откладывающую яйцо на переднеспинку японского опалового хруща. Если яиц было отложено два или три, то личинка в жуке оставалась только одна. Мухи хорошо заражали «чаквинских» жуков. Через некоторое время мухи заразили так много жуков, что мы смогли выехать в Чакву и закопать их на том участке, откуда собрали незараженных жуков.

Насколько я знаю, из этого опыта акклиматизации в Аджарии мух *Centeter ussuriensis* ничего не получилось. После 1955 г. Н.Н. Шутова защитила в Ленинграде, в Зоологическом институте кандидатскую диссертацию о японском опаловом хруще и его паразите мухе центетер. На защите диссертации я присутствовал. Диссертация была представлена как работа по биологии хозяина и паразита, а о неудаче акклиматизации прямо не говорилось. Диссертанту было задано несколько вопросов, но она на них отвечать не стала, лишь поблагодарив в своем заключительном слове своих коллег, членов Ученого совета и присутствующих. Ученая степень была присуждена Н.Н. Шутовой единогласно.

Позднее у нас с Е.М. состоялся разговор о причинах неудачи акклиматизации мухи центетер. Он был склонен думать, что муха не акклиматизировалась потому, что не могла войти в биоценоз по причине отсутствия в Аджарии «дополнительных» хозяев (других видов рода *Maladera*, которые имеются в Приморском крае) для выполнения всего своего жизненного цикла. Слово «дополнительные» я дал здесь в кавычках, так как не знаю, какой из хозяев этой мухи на Дальнем Востоке «основной».

Занимались мы и рассылкой калифорнийской щитовки, зараженной внутренним паразитом *Prospaltella perniciosi*. Насколько я помню, посылки были посланы из Батуми в Чехословакию и Венгрию, а также и в 2-3 другие страны.

Кажется, в 1951 г. Е.М. получил из ЦКЛ дополнительное предписание переслать в несколько зарубежных адресов зараженных паразитом щитовок. Е.М. сказал мне однажды, что он и А.А. Карницкий отправляются в

Восточную Грузию и берут меня с собой; что мы поедем в Тбилиси, а оттуда – в Горийский район. Радости моей не было предела, так хотелось мне побывать в Восточной Грузии, которую я еще не видел.

Мы выехали из Батуми поездом и ночью перевалили Сурамский хребет, где поезд проходит через туннель. Утром Е.М. показал мне слева живописные развалины старинного города Уплисцихе. Помню изумительно красивую панораму города Мцхета у слияния рек Арагвы (Арагви) и Куры со старинным монастырем (в развалинах) Джвари на горе.

Прибыв в Тбилиси, мы явились в Карантинную инспекцию, где Е.М. представил меня своей сотруднице (постоянно жившей и работавшей в Тбилиси) Тине Гивишвили – скромной очень худой, молодой грузинке. Е.М. очень ценил ее за аккуратность.

В то время Е.М. старался выяснить, подавит ли *Prospaltella perniciosi* калифорнийскую щитовку, если на каком-то участке сада отменить химические обработки. Но получить разрешение на выделение такого участка было очень трудно: Е.М. добивался этого несколько лет, и я не знаю, завершились ли его хлопоты успехом. Тина Гивишвили делала для него учеты о зараженности калифорнийской щитовки паразитом.

В Тбилиси мы остановились на два дня у друзей Е.М. Вечером следующего дня мы поехали в гости, по приглашению отца Тины Гивишвили. Семья Гивишвили жила в одноэтажном доме с садом на окраине города, противоположной от горы Св. Давида (Мтацминды).

В гостях у грузин я был впервые. Стол был накрыт в саду. К моему удивлению, на столе стояло около 15 бутылок сухого вина. На закуску был подан мягкий вкусный грузинский хлеб *пури*, салат из помидоров и других овощей и сациви (курица в особом соусе, в состав которого входит грецкий орех), а затем – огромный арбуз. Чая грузины обычно не пьют. Отец Тины был, как мне сказали, директор магазина. Я испуганно посмотрел на бутылки с вином, но Е.М. и Алексей Андреевич подбодрили меня, сказав, что сухое вино – не страшное. Начались бесконечные грузинские тосты, причем о каждом из присутствующих, в том числе и обо мне, говорилось очень много хорошего. Отец Тины, поднимая бокал за здоровье Е.М., несколько раз говорил одну и ту же фразу: «За Ваше здоровье, уважаемый Е.М., и чтобы через Вас Тина получила повышение на работе». Вино было очень мягкое, и выпили мы его порядочно, причем без всяких последствий.

Утром следующего дня мы выехали поездом в Гори. Над городом, на горе, высились развалины старинной крепости. Каждый грамотный житель СССР знал, что в Гори, в бедной семье сапожника родился И.В. Сталин (Джугашвили). Я ожидал увидеть бедный домик, но то, что я увидел на самом деле, превзошло все мои ожидания. Это была такая бедность, какую я не мог вообразить для такого места. «Квартира» располагалась в угловой части одноэтажного кирпичного дома, в ней было всего две крошечные комнатки без прихожей и кухни. Мебели почти никакой. Все это произвело на меня очень сильное

впечатление. И улица была такой же, какой она была до революции. Я как бы возвратился в эту эпоху.

[Сейчас дома на этой улице снесены, дом, в котором жила семья Джугашвили, поместили под стекло, он теперь в специальном павильоне, кругом гранит и мрамор, и никакой исторической достоверности нет. Ощущение эпохи исчезло.]

Когда я возвратился к Е.М., то ничего ему не сказал, а он меня ни о чем не спросил.

Мы дождались старенького автобуса и, проехав по шоссе Гори-Тбилиси километров двадцать, вышли около селения Скра, где располагались большие яблоневые сады, принадлежавшие местному колхозу (или совхозу?). Там Тина разыскала агронома, и мы начали резать ветки яблонь. Заражение калифорнийской щитовкой было страшное, многие деревья засыхали. (В саду проводили химические обработки, но они знаменитые Горийские яблоневые сады от калифорнийской щитовки не спасали). Набив три мешка ветками яблони, мы отправились к шоссе.

Остановив попутную машину (грузовик), мы доехали до Гори, где сели в поезд и возвратились в Батуми. Весь следующий день я заливал концы веток расплавленным парафином, чтобы замедлить их засыхание. Посылки немедленно были отправлены по назначению.

От этих посылок ведет свое начало лабораторная популяция *P. perniciosi* в Иванке-при-Дунае, в Словакии, в районе Братиславы, откуда ее завезли затем в Западную Германию. От этого же материала пошла популяция *P. perniciosi* в европейских садах к западу от границ СССР.

В лаборатории калифорнийскую щитовку разводили на тыквах особого лежкого сорта.

В 1950-х гг. и ранее с вредителями citrusовых культур боролись путем фумигации парами синильной кислоты HCN. Опыт этот был заимствован из США. На Черноморском побережье Кавказа в 1951 г. фумигация производилась способом, который в крупных хозяйствах США уже устарел, а именно: на дерево накидывалась фумигационная палатка; под палатку ставили глиняный горшок и помещали туда кусок цианистого натрия (или цианистого калия), либо цианплава и вливали в горшок какое-то количество серной кислоты. Выделяющиеся пары HCN по идее должны были убивать все живое и, наверное, действительно убивали все живое. Но вот беда: чем больше citrusовые деревья фумигировали, тем больше на них было кокцид и клещиков (красного *Metatetranychus citri* и серебристого *Phyllocoptruta oleivora*). Иногда страшно было смотреть на листья мандаринов: они были покрыты коричневой (*Chrysompalus dictyospermi*) или желтой померанцевой (*Aonidiella citrind*) щитовками, а также японской восковой ложнощитовкой *Ceroplastes japonicus*.

Фумигацию производили независимо от того, заражены деревья вредителями или не заражены. Это был план так называемых *профилактических* обработок, выполнение которого наносило и деревьям (ожоги) и полезной фауне большой вред. Но в выполнении и перевыполнении этого плана были заинтересованы и руководители хозяйств и рабочие, так как за это платили премии, надбавки. Для бригадиров и рабочих существовали еще надбавки «за

вредность». И, кроме того, у руководителей хозяйств и агрономов существовал страх перед наказанием, если они не проведут положенных инструкцией *профилактических* обработок, так как в случае вспышки вредителей они могли быть обвинены в нарушении инструкции.

Е.М. решил выяснить, какие насекомые и другие членистоногие, вредные и полезные, погибают при фумигации цитрусовых. Для этого мне было предложено расстелить под деревом большие листы плотной оберточной бумаги и после фумигации собрать упавших на нее членистоногих. Эту задачу я выполнил в Чакве. С дерева посыпалось очень много всего, но особенно много было пауков. Мы с Е.М. с интересом просмотрели эти материалы, но количественных учетов он мне делать не предложил.

Кроме этих работ я ездил по поручению Е.М. в Поти. Эта поездка для меня была нелегкой, но виноват в этом был я сам, то есть виновато было мое легкомыслие (легкомыслие молодости).

Е.М. направил меня в Поти на один день, чтобы нарезать веток ликвидамбара, который был сильно заражен ложнощитовкой *Eulecanium posivum*. Эта ложнощитовка была известна лишь в Поти, где заражала только ликвидамбар – дерево восточноазиатского происхождения из семейства гаммелиевых. Е.М. сказал мне, что в Поти имеется роща ликвидамбара и что, как он полагает, эта ложнощитовка занесена в Поти откуда-то из Восточной Азии, скорее всего из Японии или из Китая. Н.С. Борхсениус, описавший этот вид, назвал его *posivum*, что значит – *вредный*. Кроме того, я должен был посмотреть,

нет ли в Поти, в одном из питомников, японского опалового хруща.

Взявши с собой рюкзак, я выехал ранним утром поездом Батуми-Самтредиа и вышел на станции Супса, к северу от границы Аджарии. Там я сел в кузов попутного грузовика и поехал к Поти. Дорога шла по берегу моря, по равнине. Дышалось легко, и мне было весело. В Поти я явился в Карантинную инспекцию, которая размещалась в очень скромном помещении, с рекомендательным письмом от Е.М. к энтомологу Тамаре Александровне Бахия. [Е.М. объяснил мне, что здешние люди с фамилиями, оканчивающимися на «-ия», по большей части мингрелы]. Т.А. Бахия оказалась женщиной лет 40, худощавой, очень приятной. Я сказал ей, что мне надо посетить питомник, где поискать хруща *Maladem japonica*. «*Aserica japonica?*» – переспросила она. (Здесь только я узнал, что раньше этого хруща относили к роду *Aserica*). После этого она любезно проводила меня и в рощу ликвидамбара, и в питомник. Прощаясь со мной в питомнике, она предложила устроить мне ночлег в общежитии, чтобы завтра утром возвратиться в Батуми. Я поблагодарил ее и отказался.

И напрасно это сделал! Сейчас бы я так не поступил.

Роща ликвидамбара оказалась сказочным лесом. Она была расположена на территории питомника для ланей. На лугу, покрытом цветами, паслись грациозные копытные. Я подошел к деревьям ликвидамбара. Их кора была ребристой. Залезши на дерево, я убедился в том, что ветки ликвидамбара густо покрыты крупными ложнощитовками. Такого сильного заражения деревьев

этими насекомыми я еще никогда не видел. Со мной был секатор, и я нарезал целый рюкзак. В питомнике я убедился в том, что японского опалового хруща там очень мало. Рабочие в этом питомнике были женщины, русские и украинки. Они подошли ко мне и начали спрашивать о моей профессии. Я ответил им, рассказав о своей работе. Узнав, сколько я получаю стипендии (около 300 рублей «старыми деньгами»), они сказали, что это неплохо и что работа у меня «не пыльная», не приходится постоянно «гнуть спину». Я понял из этого разговора, что получают они за свой тяжелый труд очень мало. И все же они предпочитали эту работу в Грузии работе где-то в колхозе в России или на Украине.

ТА. Бахия сказала мне, где в городе я смогу сесть на попутную машину до станции Супса. Прийдя на указанное мне место, я довольно долго ожидал, пока подвернется машина, идущая на Супсу. Наконец, нашелся такой грузовик, я забрался в его кузов и через час был в Супсе. Скоро должно было стемнеть. На железнодорожной станции я увидел вдали вагон уходящего на Батуми поезда. Дежурная по станции сказала мне, что этот поезд – последний. Я стоял в растерянности на платформе и не знал, что делать. Вдруг ко мне подошел бандитского вида русский парень и завел со мной странный разговор. Говорил он с довольно сильным грузинским акцентом, из чего можно было понять, что он родился и вырос в Грузии. Одет он был очень плохо, но и я был одет не лучше. Я сказал ему что я студент и спросил его, кто он. В ответ он сказал мне какое-то слово на грузинском языке. Я спросил его, что это такое. «Ты что, с луны свалился, если не

знаешь таких простых вещей?» Он объяснил мне, что он работает у грузин батраком. Тут я вспомнил, что грузины нанимают русских, чтобы они отработывали за них обязательную минимальную колхозную норму трудодней, а сами в это время выращивают на своих приусадебных участках овощи и фрукты и возят их продавать за пределы Грузии. Так они, выплачивая нищенскую зарплату русским батракам, не работают в колхозе, числясь колхозниками, а занимаются своими личными делами.

Разговор этого парня был довольно грубым и неприятным, чувствовалось, что он был пьян. В конце концов, он предложил мне пойти переночевать к нему, но я побоялся это сделать. «И ты пойдешь ночью один в Кобулету?» «Пойду», – сказал я. До Кобулету было более 30 км, так что я вознамерился прошагать всю ночь.

Вначале все было прекрасно. Я прошел несколько деревень, где люди с удивлением смотрели на меня. Улицы там были полны гуляющего народа. Ко мне подошла женщина грузинка и спросила, куда я иду. Я сказал, что иду в Кобулету. Она покачала головой: «Это же очень далеко. И Вы не боитесь?» «Что делать...» – ответил я.

Когда стемнело, все переменилось. Улицы деревень опустели. К счастью было полнолуние, так что я хорошо видел дорогу. И в первой же деревне произошло неожиданное. На улице – ни души, все спят. А на меня набросилась свора собак, которых спустили на ночь с цепей. Я никогда раньше не предполагал, что в грузинских селениях так много собак. Каких только собак там не было: и маленькие собачонки, и большие псы. Они

окружили меня кольцом и с рычанием и лаем вели до конца селения. Стоило одной из собак броситься на меня, и они бросились бы на меня все. И так было в нескольких селениях, через которые я прошел.

После этого равнина кончилась, и я пошел в гору, через небольшой перевал. Стало совсем темно. Так я прошагал километров пять и вдруг увидел сзади себя свет фар грузовика. Я остановился и поднял руку. Грузины тогда всегда подвозили людей и брали за это небольшую плату. Меня подвезли до станции Натанеби. Я сильно устал и перевозмужался, а до рассвета было еще часа три. Проходя мимо будки грузина железнодорожника, я попросился к нему переночевать. Он был очень дружелюбен (вряд ли в подобной ситуации был бы настолько же дружелюбен человек в России) и пустил меня к себе. Я улегся на полу. Мы очень приятно поговорили со стрелочником около часа, затем я заснул. На рассвете он разбудил меня, сказав, что скоро будет проходить поезд на Батуми. Я сел в поезд и часам к 9 прибыл в город, где Е.М., уже беспокоившийся за меня, ждал меня на вокзале. Он очень удивился моей несообразительности и тому, что я не удосужился в Супсе узнать расписание обратных поездов.

Из ложнощитовки *Eulecanium nocivum* паразиты не вышли. Позднее в коллекции Зоологического Института я нашел энциртида *Microterys sylvius*, выведенного в Потти из этого хозяина. Вероятно, этот энциртид перешел на *E. nocivum* с акациевой ложнощитовки *Parthenolecanium corni*.

Кроме перечисленных работ я выпускал на территории Погранотряда дальневосточного афелинида *Marlattella* на

деревья мандаринов, зараженные палочковидной щитовкой *Leucaspis* (ныне *Lopholeucaspis*) *japonica*. Эта щитовка обитает в Приморском крае, главным образом на амурской сирени. Там она не вредит. Попытка интродукции паразита этой щитовки из Приморского края в Аджарию была безуспешной.

Занимался я также выведением паразитов из персиковой ложнощитовки (*Parthenolecanium persicae*), акациевой ложнощитовки (*P. corni*), туевой щитовки (*Carulaspis visa*), плющевой щитовки (*Aspidiotus hederiae*) (ныне *A. nem*), бересклетового войлочника (*Eriococcus buxi*), мягкой ложнощитовки (*Coccus hesperidum*), пульвинарии (*Pulvinaria horii*) (ныне *Eupulvinaria peregrina*) на японской хурме *Diospiros kaki* и из чайной ложнощитовки (*Hemiberlesia gapax*) на камелии.

Из персиковой ложнощитовки, которой была сильно заражена жимолость *Lonicera fragrantissima* (по-видимому, эта жимолость японская) на набережной, около пассажирского порта вылетел энциртид из рода *Blastothrix*. [Теперь Е.С. Сугоняев определяет этот вид паразита как *B. hungarica* и полагает, что он проник в Западную Палеарктику из Восточной Азии]. В акациевой ложнощитовке *Blastothrix longipennis* в 1951 г. обнаружен мною не был (впервые он найден в Грузии в 1957 г.).

Большая колония акациевой ложнощитовки имела на участке Грузбиолоборатории на белой акации.

В то время как я проходил дипломную практику в Батуми, мои друзья Д.Д. Крылов, В.В. Петровский и У.Г.

Штейман были на практике в Адлерском чайном совхозе. В середине лета я получил от Петровского (Адика) письмо, что они все втроем хотели бы приехать на несколько дней в Батуми. Я ответил согласием.

Мои друзья прибыли на пароходе. Не помню, где они ночевали во время пребывания в Батуми. Один день мы посвятили осмотру Батуми и Грузбиолаборатории, на другой день побывали в Батумском ботаническом саду и в Чаквинском филиале Института чая и субтропических культур. Объяснения нам давала сама Ксения Ермолаевна Бахтадзе – знаменитый селекционер чая, Герой Социалистического Труда, очень милая, еще не старая тогда, грузинка. После экскурсии мы выкупались в море. Это был один из немногих случаев, когда я искупался в 1951 г. в море. Я не считал нужным тратить на это время.

Одним из самых замечательных событий было для меня и моих друзей восхождение на гору Мтирала, в окрестностях Батуми. Эта гора привлекала меня давно. Е.М. часто показывал мне ее, объясняя, что по-грузински ее название означает *плачущая*. Он сказал, что хорошая солнечная погода бывает там редко, так как гора почти всегда покрыта шапкой туч. Действительно, со стороны Батуми она всегда была под зловещими темными, черносиними тучами. По словам Е.М. лес на этой горе совершенно дикий – эндемичный колхидский лес из граба и огромных буков; там еще можно встретить тис (Taxus), а в подлеске – такие растения как иглица (Ruscus) и понтийский рододендрон (Rhododendron ponticum). Много там и лиан: ежевики, смилакса, плюща. В этом лесу можно встретить очень крупную жужелицу процеруса

(*Procerus*), но встреча с ней опасна, так как она выбрызгивает из заднепроходного отверстия ядовитую жидкость. Если эта жидкость попадает в глаза или горло, то последствия могут быть тяжелыми. Питается процерус слизнями, а на Мтирале (как и повсюду в колхидских лесах) обитает очень крупный слизень фиолетово-синего цвета.

На Мтиралу надо выходить на рассвете. Так мы и поступили. Вначале надо долго идти по шоссе вдоль реки, впадающей в море около нефтеперегонного завода, затем перейти эту речку по древнему мосту, после чего дорога идет грузинскими селениями и начинается подъем в гору. Адик и Штейман шли легко, Дима и я – тяжелее. В колхидском лесу было темно, тихо и сыро. Мы были поражены, увидев огромные буки.

Впоследствии я был на Мтирале пять раз. Как-то в 1958 г. над горой и всем западным Закавказьем не было туч, и я смог увидеть всю западную часть Главного Кавказа.

Перед отъездом мои друзья решили организовать ужин и пригласить на него Е.М. Приглашение было поручено сделать мне. Е.М. охотно дал согласие встретиться и поговорить со студентами Тимирязевской академии. Однако, я не знал, что человека полагается приглашать с женой, и получил за это серьезный выговор от Штеймана. (Этот и подобные другие промахи в моей жизни объяснялись отсутствием нормального и надлежащего семейного воспитания). Впрочем, вечер прошел хорошо. Е.М. остался высокого мнения о моих друзьях.

Заключение

Теперь мне осталось рассказать очень немногое о моих ба тумских впечатлениях 1951 г., а именно, кратко описать мои с Е.М. разговоры. Он любил рассказывать, а я умел слушать и запоминать. Я уж писал о том, какую колоссальную информацию я получил от него о Грузии, ее истории, природе, растениях, животных, в особенности насекомых. Но, кроме этого, он очень много рассказал мне о людях, с которыми ему пришлось работать и встречаться, в том числе о людях выдающихся. Я постараюсь сейчас что-то вспомнить из его рассказов.

О Викторе Ивановиче Мочульском. Е.М. рассказал мне известную историю о том, как Мочульский незаконно выносил из Зоологического музея в Петербурге жуков, приспособив для этого свой котелок (шляпу), т. е. устроив в нем пробочное дно, в которое втыкал булавки с насекомыми. Якобы эту проделку обнаружил гардеробщик, после чего Мочульскому был запрещен доступ в Музей, а по представлению дирекции Музея ему даже отказали в заграничном паспорте.

О Георгии Георгиевиче Якобсоне. Е.М. рассказывал мне о Г.Г. с очень большим почтением. Говорил о нем как о великом знатоке жуков и об очень порядочном и аккуратном человеке. У Г.Г., по словам Евгения Михайловича, была трудолюбивая и преданная помощница, имени и фамилии которой я не помню. Она составляла для него картотеку распространения жуков, которая вошла в его известную книгу «Жуки России и Западной Европы». Г.Г. покончил жизнь самоубийством

(принял яд, цианистый калий), узнав, что его жена замешана в незаконных операциях с иностранной валютой.

Об Андрее Петровиче Семенове-Тян-Шанском и о его отце Петре Петровиче. Е.М. рассказал мне, что помогая финансированию экспедиций Пржевальского, Роборовского и Козлова, Петр Петрович просил этих известных путешественников собирать и привозить в Зоологический музей насекомых. Они его просьбу выполняли. Е.М. говорил, как Петр Петрович, присутствуя на Заседаниях Государственного совета Российской империи, членом которого он являлся, не тратя времени попусту, часто писал этикетки к сборам насекомых.

Андрея Петровича Е.М. знал лично. Несколько оттисков его работ Е.М. мне показал, восхищаясь ровной надписью посвящения, сделанной слепым в ту пору человеком. Как рассказал мне Е.М., память у Андрея Петровича была выдающаяся. Своих сотрудников он просил достать такой-то коллекционный ящик, взять насекомое на булавке из такого-то ряда и, к примеру, посмотреть скульптуру на переднеспинке у жука.

Об Алексее Николаевиче Кириченко. Алексей Николаевич скончался значительно раньше своего младшего брата **Александра Николаевича**. Некоторые наши провинциалы этих знаменитых профессоров путали. Алексей Николаевич был кокцидолог и карантинный деятель, Александр Николаевич – специалист по клопам. Когда к Александру Николаевичу приходили по поводу кокцидологических работ, он добродушно отвечал: «Да это же мой фрэр!». Александр Николаевич был блестящим

знатоком географии. Мне рассказывали, что иногда, когда к нему приходили с просьбой расшифровать пункт на этикетке, который никто не знал, он отвечал примерно так: «От такого-то уездного центра на лошадах столько-то верст (или дней пути), а от такой-то станции – столько-то; мы с покойным N в 1970 г. пили там вино, неплохое (или же скверное) было вино».

Об **Игоре Васильевиче Кожанчикове** Е.М. говорил мне, как о выдающемся человеке. Во время гражданской войны И.В. несколько лет скрывался в Саянах, где жил охотой, бил соболя. С Кожанчиковым Е.М. учился в Ленинграде, в ИЗИФе. Он обладал необыкновенной физической силой. Как-то студенты ключом не могли отвернуть какую-то гайку. И.В. голыми руками свернул эту гайку. Во время войны, когда ленинградцы гибли от голода, И.В. прорубил в Неве прорубь и ловил рыбу, чем спас себя, жену и сына.

О **Всеволоде Владимировиче Гуссаковском**. С этим выдающимся человеком Е.М. очень дружил и очень его любил. Рассказывал он мне о своем друге чаще, чем о прочих энтомологах. По его словам, В.В. был сыном костромского вице-губернатора. Выдающимися чертами Гуссаковского, которого друзья, в том числе и Евгений Михайлович, нежно называли «Вовочкой», были: 1) исключительно четкий глаз систематика; к нему, по словам Е.М. многие обращались в трудных случаях; возьмет Гуссаковский лупу, поднесет насекомое к своим сильно близоруким глазам, и часто сразу даст хороший совет, определит положение насекомого в системе; 2) знание древних и иностранных языков, позволявшее

Гуссаковскому свободно обращаться с энтомологической литературой; 3) любовь к путешествиям и сбору насекомых, в особенности любовь к Средней Азии; 4) талант поэта и эпиграммиста; у Е.М. хранилось много стихотворений В.В., но он выписал мне только латинское «описание» директора Зоологического института Академии наук СССР академика Зернова, выполненное как описание нового для науки вида осла *Equus asinus zernoviformis ssp.n.* (новый подвид). Эта выписка у меня где-то хранится; здесь я напишу то, что запомнил (с грамматическими ошибками):

«*Equus asinus zernoviformis ssp.n.*

(Осел зернововидный, новый подвид.)

Subspecies typica ovo ab ovo similis

(Как яйцо на яйцо похож на типовой подвид)

Habitat: inter Mosquae et Petropolitanem

(Обитает: между Москвой и Петербургом – намек на частые командировки директора в Москву в Президиум Академии наук СССР)

Femmina nondum nota

(Самка неизвестна – Зернов был вдовец)

Specimen solum et, Dei gloriam, unicum

(Один экземпляр и, слава Богу единственный)»?...etc..

И это свое произведение В.В. прочитал на заседании Ученого совета Зоологического института в присутствии Зернова. А как-то читал там же и «Незнакомку» Блока.

Гуссаковский был несчастным в личной жизни человеком. Он был низенького роста, неопрятен, с длинными грязными ногтями. У многих он вызывал отвращение, но мог вызывать и восхищение своими

талантами. После войны он уехал работать на Дальний Восток, где заразился клещевым энцефалитом, отчего и скончался.

О Николае Николаевиче Филиппове. С Николаем Николаевичем Е.М. был в хороших отношениях. Н.Н. был человеком легендарным, о нем уже кое-что написано. Я знаю о нем несколько больше, чем рассказывал мне Е.М., прежде всего, что Н.Н. был замечательным, фантастическим сборщиком насекомых. Он был дипломатическим курьером, объездил много стран мира и повсюду собирал насекомых, отдавая свои сборы в Зоологический институт, оставляя себе только божьих коровок, которыми занимался специально.

Об Андрее Николаевиче Краснове. Знаменитого ботаника и агронома Краснова Е.М. называл благодетелем Западной Грузии, давшим до этого бедной стране ценные культуры. Перед памятью Краснова Е.М. благоговел. Его детище – Батумский ботанический сад считал одним из лучших ботанических садов в мире. Е.М. всегда посещал, бывая в Ботаническом саду, могилу Краснова и могилу его преемника, своего друга Гинкула. Очень любил Е.М. книгу Клингена – сподвижника Краснова «Среди патриархов земледелия».

О Николае Абрамовиче Теленге Е.М. всегда говорил с любовью, но подсмеивался над его увлечением выпусками трихограммы. В эффективность выпуска размножаемой в лаборатории трихограммы Е.М. не верил. Его критика «трихограммирования» сводилась к трем пунктам: 1) нет учета деятельности «дикой» трихограммы по сравнению с которой выпуски являются «каплей в море»; 2)

трихограмма в лаборатории изнеживается и поэтому после выпуска неэффективна; 3) при разведении трихограммы в яйцах зерновой моли (*Sitotroga cerealella*) происходит привыкание к этому хозяину, и такая трихограмма может быть неэффективна против других вредителей.

Само собой разумеется, в 50-х гг. считали, что в лабораториях разводят только один вид *Trichogramma evanescens*. Другие виды на полевых культурах были еще не открыты (кроме *T. turkestanicum* Meyer, вида до сих пор неясного). К микробиологическому методу борьбы с вредителями, разрабатываемому Н.А. Теленгой, Е.М. также относился скептически, но в этом оказался не прав. Но тогда к этому методу так относились многие, считая, что грибы, микроорганизмы и вирусы действуют лишь в очень узких условиях высокой температуры и влажности.

О Николае Федоровиче Мейере. К Мейеру Е.М. относился с большим почтением, считая его выдающимся человеком и энтомологом. Заслуги Мейера в биометодe – это акклиматизация в СССР афелинуса, родолии и крептолемуса (хотя афелинуса завез в Азербайджан годом раньше профессор Раджабли). Мейер – автор многих книг по систематике насекомых (7 томов определителя ихневмонид) и по биометоду (два издания общего курса биометода и книга «Трихограмма». Е.М. говорил мне, что Мейер был немец, причем воинское звание его уже в советское время (?) соответствовало полковнику артиллерии и что его часто призывали на военные учения и маневры. Особенно восхищался Е.М. смелостью Н.Ф. Он рассказал мне, что Мейер как-то сильно поспорил в

Москве с наркомом земледелия. Разговор был крутой и кончился тем, что нарком крикнул Мейеру, поднимаясь по лестнице: «Кто здесь нарком, я или Вы?» «Пока еще Вы!» – ответил ему Мейер. Через год наркома арестовали... Сейчас можно догадываться, что это был Яковлев. (Эту историю подтвердила, в разговоре со мной, Валентина Андреевна Щепетильникова – ученица и сотрудница Н.Ф. Мейера.

Список основных печатных работ Е.М. Степанова

Stepanov E.M. 1930. Neue und seltene Elateriden aus SSSR // Entomol. Nachrichtenbl. Troppau. Bd. 9. H. 4. S. 86-93.

Stepanov E.M. 1930. Übericht der Arten der Selatosomus Untergattung Calambus Motsch. (Coleoptera, Elateridae) // Casop. Ceskoslov. spol. entomol. Rocnik 27. S. 134-136.

Stepanov E.M. 1935. Neue und bekannte Elateriden aus SSSR // Entomol. Nachrichtenbl. Troppau. Bd. 9. H. 4. S. 23-27.

Степанов Е.М. 1935. Биологический метод борьбы с вредителями растений в Абхазии. Сухуми: Изд. Абхазской карантинной инспекции. Наркомзем АССР Абхазия. 80 с.

Степанов Е.М. 1939. Серебристый клещик (*Phyllocoptes oleivoras* Ashm.) и борьба с ним. М.: Издание Сектора Карантина и ЦКЛ НКЗ СССР 57 с.

Степанов Е.М. 1939. Вредители азалий и рододендронов – клопы *Stephanitis* как объект карантина // Информ. бюлл. по вопросам карантина раст. № 4.

Степанов Е.М. 1939. Новый карантинный вредитель цитрусовых культур – японская палочковидная щитовка // Информ. бюлл. по вопросам, карантина растений. М. № 2. С. 1–2.

Степанов Е.М. 1940. О взаимоотношениях кокцид *Drosicha* и хищных жуков *Rodolia* // Справочник по вопросам карантина растений. № 2. 102 с.

Степанов Е.М., Долидзе М. 1950. Главнейшие вредители чая и цитрусовых культур в Аджарии и борьба с ними.

Батуми: Госиздат Аджарии. 61с.

Степанов Е.М. 1955. Октаметил и враги красного цитрусового клещика // Труды Казанского ин-та химии. С. 1–6.

Степанов Е.М. 1960. Проникновение чужеземных элементов в фауну субтропиков Закавказья // Зоол журнал. Т. 39. Вып. 11. С. 1618–1621.

Степанов Е.М. 1963. Паразиты чайной моли // Субтропические культуры. № 1. С. 89.

Степанов Е.М. 1963. Паразит цитрусовой белокрылки // Защита раст. № 6. С. 20–23.